

**Галина
Манукян**

**БЕЗ БОЯ
НЕ СДАМСЯ**

Галина Викторовна Манукян

Без боя не сдамся

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30814960

Без боя не сдамся : [роман] / Дина Рид; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-102802-2

Аннотация

Иногда любовь возникает не потому что, а вопреки. Вопреки разуму, вопреки правилам, вопреки собственным желаниям. Любовь ни хороша, ни плоха. Она просто есть. Жить с ней или отказаться от нее – решать каждому. Маше чуть больше двадцати. Она танцовщица из популярного шоу-балета. Алексею столько же. Он послушник с изломанной судьбой, отказавшийся от мечты о сцене. Какой путь они выберут для себя?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	54
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	83
Глава 12	95
Глава 13	108
Глава 14	120
Глава 15	130
Глава 16	137
Глава 17	141
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Дина Рид

Без боя не сдамся

Часть первая

Глава 1

Послушник

Сквозь ветви орешника пробивалось августовское солнце. Яркие пятна света ложились на горную тропу, слепили туристов.

– Жарко! – прикрыв глаза рукой, улыбнулась Маша. На её щеках появились милые ямочки.

– Скоро к водопаду придём, охладиться, – подмигнул Никита, веснушчатый парень лет двадцати пяти. – Посмотри-ка: самшит колхидский.

Слева, в широкой трещине провала на камнях плескался ручей. По неровным склонам обрыва тянулись вверх тёмно-зелёные заросли. Мелкие, глянцевые листочки источали терпкий аромат.

– Ух ты! – сказала Маша. – Огромные. А запах какой! М-м-м, как на море!

Никита довольно улыбнулся – удалось-таки поразить спутницу.

– Реликт третичного периода, – блеснул он знаниями. – Можно найти и двадцатиметровые экземпляры.

Из группы, которую повёл по маршруту Никита, Маша оказалась самой благодарной слушательницей. Её друзей: Юру, Антона и девчонок, Катю и Вику, реликты, похоже, не интересовали.

Маша и Никита уже спустились с холма, а ребята всё ещё плелись следом и обсуждали что-то своё, то и дело заглядывая в смартфоны.

Прорезая зелёную долину, грунтовая дорога, усеянная булыжником, убегала вперёд – к лысым серым скалам.

– Позагораю немного, чего время терять, – сказала Маша и стянула спортивную футболку, оставшись в топе от купальника и маленьких джинсовых шортах.

– О! Маруся обнажается, – послышался сзади смешок Юры. – Берегись, комары сожрут!

– Да нет у нас комаров, ночью только москиты. И то мало, – хмыкнул Никита, неприкрыто разглядывая идеально сложенную девушку с золотистой кожей, тонкой талией, соблазнительными округлостями и стройными ножками. До вчерашнего вечера он был убеждён – подобные красотки бывают только в журналах, и те – дело рук толпы гримёров и умельцев фотошопа. Однако вчера во дворе соседки Семёновны он встретил именно такую «модель с обложки». Она

улыбалась «как живая» и сама заговорила с ним! В первую секунду Никите хотелось дотронуться до незнакомки и убедиться, что гостя из столицы – не плод воображения и не побочное явление после недавнего эксперимента с грибочками. Ан нет, Маша была реальна, и пара тысяч за услуги проводника, которые он от неё получил, тоже хрустели по-настоящему.

– Ты тут вырос? – вырвала Никиту из раздумий Маша.

– Нет, я из Еката. В городе жить надоело, – многозначительно сказал Никита, не признаваясь, что попросту прячется в горах от вездесущего военкомата. – Познаю здесь иные формы жизни. Вон справа, глянь, скит мужской.

– Правда, что ли? – Маша посмотрела на заросли кукурузы, скрывающие меж глянцевыми листьями нежные початки с чуть лиловой бахромой, на бесконечные ряды фасоли, что цеплялась за длинные колья высушенными зноем стеблями, и звонко рассмеялась: – Да нет тут скита, огороды какие-то!

– Конечно, огороды. У этих бородатых умников, знаешь, какое хозяйство! Сами себя кормят, чтобы от общества не зависеть. А нас зато учить пытаются, как жить, – с неприязнью заметил Никита. – На подругу мою вчера батюшка наехал. Вообще как с цепи сорвался: грех, мол, в короткой юбке возле церкви тусить. Типа так только проститутки ходят...

Маша прыснула:

– Да ладно! А я тогда в купальнике кто?

– Демон-искуситель, как и все женщины. И сидит в тебе

чёртик. Страшненький такой, злобненький. А лучше вон у монаха поди спроси, – ухмыльнулся Никита и кивнул в сторону, – видишь его?

Маша всмотрелась повнимательнее – за посадками высилась чёрная фигура. Монах стоял неподвижно, и Маше показалось, что он не сводит с неё глаз.

– Учат, говоришь? – хитро сощурилась она.

– Ага.

– Ну-ну, может быть, и сидит чёртик.

Маша стянула резинку, и рыжие блестящие кудри рассыпались, закрыв спину до самых бёдер. Завлекаясь улыбаясь, она провела пальчиком по шее и ниже, будто смахивая каплю пота. Достала из сумочки воду и с самым соблазнительным видом принялась пить, запрокинув пол-литровую пластиковую бутылку, потом подняла её выше и струйки потекли на плечи и грудь.

– Да ты и правда искусительница, – сглотнул Никита, судорожно соображая: она дразнит его или монаха.

– Терпеть не могу ярлыки, – спокойно пожала плечами Маша, выходя из «образа». – Уж если на меня будут их цеплять, пусть это будет хоть чем-то оправдано.

Она вытерлась платком как ни в чём не бывало.

– Для кого представление? – послышался сзади смешок. Это подоспели Юра и Антон.

– Никита, уж не для тебя ли? – ехидно поинтересовалась светловолосая Вика. – Ты тогда половину гонорара верни.

– Похоже, это для детей кукурузы, – хихикнула Катя, поймав Машин взгляд.

Никита, смутившись, хрипло произнёс:

– Пойдёмте дальше, а то так и к заходу солнца до водопада не доберёмся.

Шестеро молодых людей зашагали вдоль скитских огородов. А по другую сторону, прячась за зеленью кустов, за теплицами и деревьями, неслышно, словно чёрная тень, метнулся парень в подряснике.

– Я не пойму, – вдруг остановился Юра, – тот тип следит за нами, что ли?

– Какой тип? Где?!

– Это он на вас, девчонки, засмотрелся, – загоготал Юра, – им же нельзя ничего такого. А тут три такие дивы топают. Или это ему ты, Маруся, показывала зарисовку из рекламы Уотерс – «Жара и жажда»?

– Хэй, бро! – крикнул Антон фигуре в рясе, скрывшейся теперь за дощатым сараем. – Братишка! Иди сюда! С девчонками познакомим!

Туристы расхохотались, а Никита прошёл чуть вперёд, будто был не с ними. Он довольно скалился, чувствуя себя отомщённым.

– Чувак! Да они не кусаются! Честное слово! Хорошие девчонки! Отче, иди сюда, – не унимался Юра.

* * *

Но молодой послушник не показывался. Прижавшись лицом к тёплым доскам сарая, он дрожал. В висках стучало, по спине тёк горячий пот. Послушник не мог совладать с собой. С застилающим разум гневом он ударил по тонкой дощатой стене и, пробив её кулаком, прошептал сквозь зубы: «Сволочи».

Глава 2

«Помилуй мя, грешнаго»

Уже третий год Алёша Колосов жил при Святодуховом ските. В первый день здесь ему сказали: «Запомни два слова: простите и благословите». И именно их поначалу произнести было невыносимо трудно.

Долго он оставался обычным трудником¹, и лишь недавно ему позволили принять послушание. Просил Алёша благословения батюшки и на постриг, но отец Георгий отказал, говоря: «Монах – это воин Царя Небесного, который бьётся на передовой. Он не может отступить и уйти с поля, позади него – Бог и Царствие Его, а впереди – невидимые, иногда неведомые враги. Для монаха смертельная битва длится всю жизнь. Сначала он отрекается от мира, потом совершает подвиг, и только в конце его ждёт награда или посрамление. Не спеши, Алёша. Ты не готов ещё. Совсем не готов. Всему своё время».

Алёшина битва шла в основном с самим собой: с желанием поспать и полениться, со слабостями и старыми привычками. Неделя к неделе, месяц к месяцу, год к году среди икон

¹ Трудник – человек, живущий при монастыре или ските, бесплатно выполняющий работы для блага монастыря, ограниченно соблюдающий положения монастырского устава.

и людей, отрёкшихся от радостей мира, – атмосфера скита пропитывала Алёшино нутро, растворяя привычки и воспоминания о прошлой жизни.

Скит благоустраивался и разрастался. Монахи были страннолюбивы: принимали трудников и летом, и зимой – послушаний всегда хватало. Кто-то приезжал, попросту оставшись без работы, кому-то хотелось вкусить благодати – почувствовать себя иначе, кто-то помышлял о постриге, а кто-то – об исцелении. Приходили сюда и бывшие уголовники, желающие «перекантоваться», и совсем неверующие, кому податься было некуда. В первый Алёшин год в скиту чуть ли не каждый день разнимали братья трудников, особенно когда новичка задирали кто-нибудь из случайных людей. Но они уезжали, а дёрганый, злой на весь мир мальчишка оставался. Не отсылал его отец Георгий – нагружал работой, беседовал подолгу то строго, то ласково, наказывал епитимьями: дополнительными послушаниями и долгими часами молитв, но не прогонял. А когда достроили новый дом-общежитие, отдал настоятель Алёше, ещё и не послушнику пока, отдельную комнатку-каливу. Два на два метра всего – да не со всеми жить. Роскошь по уставу скита дозволительная лишь инокам. Отец-эконом даже повздорил из-за этого с игуменом, но слово отца Георгия было последним. Всегда.

Братья говорили о светлом, счастливом мире, который обрели здесь. Алёша верил им на слово, сам того не испыты-

вая. Он работал в огороде, помогал на стройке, таскал воду, мёл двор перед общежитием. Честно отработывал пребывание в скиту. По десять часов в день послушник должен был посвящать молитве. Заученные слова он повторял про себя до сна и после, во время работы и трапезы. Монотонные слова молитв постепенно припорошили внутренний гнев, как снег землю. Только ночами порой приходили к Алёше незваные мысли о том, что занимает он не своё место, злоупотребляя добротой монахов. И откуда-то исподволь старые мечты свербели о несбывшемся. Впрочем, почти каждый из насельников мог дать сто очков вперёд любому, кого знал Алёша в прежней, мирской жизни. А потому ему хотелось оправдать доверие людей, которых уважал.

Со временем Алёша научился сдерживать ярость, и ему уже не хотелось, как прежде, разрушить всё, когда что-то не ладилось, разбить всякое лицо, в котором читалась усмешка. Отец Георгий не уставал повторять, что «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии», а значит и Алексей – дитя Господа. Но прививка от счастья, полученная в детстве, была сильнее.

Строгий, логичный распорядок приносил спокойствие. А природа – без капли лжи и пафоса, от красоты которой так часто замирало Алёшино сердце, была доказательством того, что Бог есть не только в молитве и на иконах у алтаря. Раньше Алёша будто и не замечал всего, только здесь почувствовал себя посвящённым в её таинства, Алёша снисходитель-

но, как на детей неразумных, поглядывал на туристов, что фотографировались на фоне горного великолепия, заслоняя «бесценным я» главное, чем стоило любоваться. Горожане в модных костюмчиках резвились в горах, не слыша за собственными криками естественной, волшебной музыки – шелеста леса, трелей птиц, плеска реки. Нередко выпив и закусив, приезжие прыгали по пенькам с вытянутой рукой с планшетом или мобильным и радостно возвещали: «Здесь есть Интернет!», словно это было единственное, зачем они сюда приехали.

Алёша усмехался. Ещё не монах, но уже не мирянин, не успевший толком разобраться в самом себе, он чувствовал перед этими людьми странное превосходство – такое безотчётно ощущает мускулистый спортсмен перед сутулым ботаником.

* * *

Заслышав голоса и переливчатый смех на дороге, Алёша неспешно поднял голову и обомлел: на дороге, бегущей сверху по холму, по загорелой спине незнакомой девушки каскадом рассыпались кудри, отливая медью на солнце. Она обернулась. Алёше отчаянно захотелось, чтобы в лице, обрамлённом волнами пушистых волос, нашёлся изъян. Но, увы, оно было красиво. Очень. Похотливо дразнясь, девушка вызвала в нём негодование и странное, застилающее разум желание

видеть её ещё. Забыв о работе и молитве, Алёша устремился за группой туристов.

Но скоро они остановились и посмотрели в его сторону. Спутники девушки принялись гоготать и отпускать обидные шутки. Алёша не слушал их, он только видел её плавные изгибы бёдер, стройные ноги и едва прикрытую грудь. Каждое её движение отзывалось в нём неконтролируемой дрожью. Алёша закипел гневом: да что это с ним? Просто девка, пошлая девка – одна из многих.

От удара, разбившего в щепки дощатую стену сарая, на костяшках лопнула кожа. Алёша разжал кулак, молча глядя, как набухают на ранах алые капли крови. С дороги ещё слышался смех, но безумное напряжение схлынуло.

– Прости, Господи! Бес попутал. Помилуй мя, грешного. Помилуй мя, – забормотал Алёша, изумляясь самому себе. Он резко развернулся и поспешил к каливам, нанизывая словно бусины на чётках, слово на слово второго послания к Коринфянам: *«...если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу...»*

Глава 3

Шоу-балет

Так случилось, что в Залесскую не вела ни одна приличная дорога, и чтобы выбираться к цивилизации привычные к бездорожью станичники обзаводились «уазиками» или внедорожниками покруче. Если же какой-нибудь смелый путешественник приезжал на избалованной городским асфальтом иномарке, ему затем приходилось латать пробойны в днище и менять безвозвратно испорченную ходовую.

Все попытки построить дорогу в Залесскую успехом не увенчались. Оползни и сели быстро справлялись с асфальтом, оставляя от него крошечные куски в назидание дорожным строителям. От узкоколейки в ущелье, по которой когда-то, как на американских горках, гоняли вагончик податые дрезинщики, остались лишь поросшие амброзией и белокопытником промасляные шпалы. Залесской как настоящему медвежьему углу суждено было оставаться самым труднодоступным местом в округе.

Станица захирела после девяностых. С распадом Советского Союза благополучно ушло в небытие лесное хозяйство, будто кто-то свыше решил побережь лесную красоту от человеческой жадности и приостановил уничтожение пихт и можжевельника, дубов и тисов. Цеха по обработке древесины рачительные станичники растащили по частям, прила-

див, куда придётся, кирпич и стёкла, металл и шифер.

Заезжали в этот «конец географии» только туристы, истосковавшиеся по дикой природе, йоги и анастасиевцы.

Поэтому едва местный глава поставил закорючку в договоре на съёмки клипа Марка Далана в Залесской, весть облетела всю станицу. Точнее разнесла её, как эпидемию гриппа, супруга главы, Курдючиха. Она обежала всех кумушек, размахивая, как флагом, новостью: в Залесскую едет Марк Далан – тот самый, что в «Золотом граммофоне» пел и в новогоднем шоу на Первом главную роль играл. И режиссёр известный с ним, и ещё какие-то звезды, в общем, все, кого по телевизору показывают.

Станичники качали головой: «Совсем Курдючиха забрехалась». Но неделю назад Семёновна в сельмаге обмолвилась, что к ней приезжают танцоры из Москвы, и народ навострил уши: а не те ли самые?

Когда пятеро молодых людей вылезли из «Нивы Шевроле» Семёновина мужа, возле голубой калитки собралось немало народу, желающего поглазеть на звёзд.

Столичные гости были как на подбор, модные, статные, сверкающие голливудскими улыбками, но, к большому разочарованию залесских, совершенно неизвестные. «Несанкционированный митинг» рассосался сам собой. Только станичные девчонки не покинули заранее оккупированные скамеечки и, перешёптываясь, с любопытством рассматривали Юру, черноволосого красавца с вытатуированным на плече

драконом, и светло-шоколадного мулата Антона. На рыжую Машу, высокую, белокожую брюнетку Катю с короткой дерзкой стрижкой и на кареглазую блондинку Вику с красивым лицом хищницы, юные селянки поглядывали придиричливо, выискивая недостатки.

* * *

Для городских приезжих Залесская оказалась по-своему экзотичной. Саманные хибарки и срубы, дощатые сараюшки и редкие каменные дома окружала со всех сторон кудрявая зелень лесов.

На туристов осоловело смотрели коровёнки, за которыми нет-нет, да погонится какой-нибудь взлохмаченный пёс, вдохновенно лая и размахивая хвостом, как пропеллером. Чёрные ослы у заброшенного сарая издавали вместо ожидаемого «Иа» весьма странные звуки. Белые гуси вышагивали по заросшим травой берегам речушки и хлопали большими крыльями. Пёстрые куры деловито шастали вдоль заборов, то перебегая от поленницы к воротам, то ныряя в крапиву за жучками.

В том, что танцоров из столицы занесло в такую глушь, виноват был Лёня Вильберг, оператор, закадычный друг и сосед по лестничной клетке Маши Александровой. Он провёл пол-лета в поисках самого красивого водопада для клипа Марка Далана и неисповедимыми путями добрался до За-

лесской.

Неуклюжий экспансивный Лёня частенько заглядывал к Маше «попить чайку». У соседей было много общего – оба счастливые обладатели однокомнатных квартир да к тому же трудоголики, погружённые в творчество. Лёня сутками таскал на худом плече профессиональную камеру. Маша репетировала до кровавых мозолей, до щиплющей боли в мышцах и любила придумывать танцы сама.

Фортуна соседей любила: Вильберг снимал клипы для самых-самых, Маша танцевала в труппе популярного шоу-балета «Годдесс». К двадцати одному году она уже вращалась в кругах российских селебрити, да и порою сама чувствовала себя звездой.

Оба привыкли жить без родителей. Лёнины славно здравствовали где-то в Твери. Машины год назад вернулись в столицу из пятилетней командировки в Алжир.

Как нормальный мужчина, Лёня не мог оставаться равнодушным к красоте соседки. Однако, будучи уверенным, что его носатая физиономия у неё страстных чувств не вызовет, выбрал роль старшего брата и даже «жилетки». Лёня приносил вкусняшки к чаю; чинил розетки и устранял течь в ванной – в общем, делал всё, чтобы оставаться по-своему нужным, получая в ответ дружеские объятия и слушателя одиноким вечером.

Недавно Лёня решил расширить сферу своего влияния и приложил все усилия, чтобы фото Маши оказались перед ка-

призным Марком Даланом. Тот которую неделю отвергал одну модель за другой. На следующий день с видом мецената Лёня пригласил соседку на кастинг для съёмок нового клипа. Обрадованная суммой гонорара и забрезжившей карьерой актрисы, Маша подписала контракт.

Она приехала в станицу пораньше, чтобы отдохнуть на природе прежде, чем Залесскую наводнят киношники. Договорившись о жилье с «VIP-хозяйкой» Семёновной, у которой останавливался Лёня, Маша позвала с собой Катю из труппы. Услышав о Далане, Вика напросилась сама, а с нею и ребята: Юра и Антон. Вот и сложилась компания – не соскучишься.

* * *

В тенистом дворе Семёновны, усаженном розами, бархатцами, скромными ноготками, белыми и алыми георгинами, гости отметили приезд распитием французского вина, что захватили с собой, и щедро оплаченными кушаньями от хозяйки.

К вечеру от чистейшего воздуха у всех разболелась голова.

– Газу мне, газу, – смеялась Маша, хватаясь за горло.

Хозяйка с недоумением смотрела на неё.

– Может, молочка хотите? Сейчас корову подою, будет парное, – сказала она наконец.

Маша удивилась:

– Сами доите?

– А чего ж нет?

Молоко, что хозяйка принесла в синем пузатом кувшине, оказалось вкусным, сладко-травяным, тёплым. Маша отхлебнула из кружки и восхищённо заметила:

– Супер! Такое в пакетах не продают. Если б ваша корова со сливками ещё и кофе сразу выдавала, ей бы вообще цены не было.

Ребята прыснули, а Семёновна покосилась на Машу, но ничего не сказала – довольны гости, платят хорошо, и ладно.

От молока Катя вежливо отказалась, Вика брезгливо поморщилась:

– Фу, гадость – оно ж коровой воняет.

А парни предпочли молоку вторую бутылку вина.

Потом друзья долго сидели в уютном дворе под громадными, совсем близкими пайетками звёзд, рассыпанными по южному небу. Заглядывали в айфоны, болтали о пустяках.

Уже ночью, лежа на новом, но сыроватом белье и слушая, как недвусмысленно скрипит в соседней комнате пружинная кровать, Маша почему-то вспомнила чёрную фигуру, что скользила за ними огородами. И вдруг почувствовала к монаху жалость. Ей стало стыдно. Глупая шутка. Зачем она так?

Сон не шёл. Маша достала из сумки тонкую книжку в синем переплёте. Жёлтый луч осветил на обложке: Фаулз

«Коллекционер».

Глава 4

Отец-одиночка

Мать сбежала, когда Алёше было пять, а потому слово «мама» для него больше не существовало. Отец, Михаил Иванович Колосов, чиновник, удачно нажившийся во времена приватизации, поставил себе целью сделать человека «из сына этой шлюхи». Беда в том, что Алёша оставался постоянным напоминанием о женщине, которая посмела Колосова бросить: те же глаза, черты лица, та же светлая кожа, золотисто-медовые волосы. В нежном мальчике ничего, казалось, не было от отца – коренастого, кареглазого шатена, квадратного, грубо скроенного. «А он вообще твой?» – пошутил как-то начальник. «Мой», – буркнул Михаил Иванович. Сам он в этом сомневался, но из непонятого упрямства анализ, чтобы подтвердить родство, не делал. Наташа предала его однажды. И раньше могла. И куда потом девать белокурого огольца, преданно смотрящего большими глазами?

«Не мой он», – мучился Михаил Иванович, свирепея и срывая истеричную злость на Наташкином отпрыске, таком же одином и никому не нужном, как он сам.

А ведь Михаил Иванович любил Наташу – пусть без телячьих нежностей, по-своему, постоянно чувствуя, что не пара ей: ни по возрасту, ни по складу. Но любил. Взял в жены полуголодную, худую студентку музучилища, без роду,

без племени. Одевал как королеву, работать не заставлял, не позволял даже. Разве что воспитывал иногда. А она сбежала, да ещё и деньги его прихватила. С любовником. Шлюха.

Последней Наташу Колосову видела соседка – та садилась в красную девятку к смазливому хахалю. Колосов неистово искал её, заявление в полицию подал, подключил связи – всех поднял на уши, но жену не нашёл.

Высокопоставленный папаша покупал «Наташкиному сыну» всё самое лучшее из того, что считал нужным, определил в престижную школу, не скупясь, оплачивал факультативы. Вот только не думал он, что если читать нотации, выдыхая мальчику в лицо клубы сигаретного дыма, если отпускать оплеухи и лупить за малейшую шалость, то из всего посеянного самые щедрые всходы дадут страх и ненависть.

Маленький Алёша был плохим из-за принесённого в дом котёнка, из-за внимания к цветочкам и бабочкам, и даже из-за слёз. Отец терпеть не мог, когда тот «разводил нюни», ведь «Колосовы не хнычут. Они – настоящие мужики, не то, что ты...». Стоило какой-нибудь напудренной дамочке умилиться при виде пухлых губ и ямочек на щеках: «Ах, очаровашка! Ваша?» – отец взрывался. Он стриг Алёшины кудри почти налысо, одевал в чёрное и хаки, чтоб «не так на девку смахивал», а сын чувствовал себя навязавшимся отцу уродцем, которого тот стыдится. Часто в голосе отца сквозила брезгливость, отчего всё в душе мальчика съёживалось и меркло.

В школе Алёша слыл круглым отличником, но не столько оттого, что тянулся к знаниям, а потому что за четвёрку получал затрешины, и каждое «удовлетворительно», поставленное учительницей лёгким росчерком пера, проступало затем на его коже тёмно-фиолетовыми отметинами от солдатской портупей.

В тринадцать попробовал Алёша повоевать с родителем за право иметь собственное мнение, но подростковое стремление к свободе Михаил Иванович подавил нещадно – так же, как Екатерина II – Пугачёвское восстание: кровью. Алёша тогда попал в больницу с сотрясением мозга и сломанными ребрами. «Упал с лестницы в новом доме. Только переехали, не привык ещё», – пояснил травматологу представительный родитель, вручив пятьсот долларов: «Вы же хороший специалист. Мой сын должен встать на ноги через две недели. У него олимпиада по математике».

* * *

Отношения со сверстниками у Алёши не складывались. Он никого не звал в гости – не дозволено было, и с ним никто не играл, а его «уроки учить надо» вызывало смех и раздражение. Его задирали, но Алёша не жаловался, просто однажды прокусил руку старшекласснику, который попробовал вытрясти из него деньги. Как-то пацаны скопом собрались проучить зубрилу-предателя за то, что не удрал со всеми с

урока. На стадионе за школой мальчишки окружили Алёшу, но, поняв, что его ждёт, он сам набросился на классного заводику, Женьку Миронова, да так свирепо, что оттащить его смогли не сразу. Алёше, конечно, досталось – не столько от одноклассников, сколько от собственного родителя. Зато после этой истории, окончившейся для Женьки в травмпункте, уже никто не нападал на «психа Колосова». Не решались. Вот и дружил Алёша только с музыкой, с рокерами на дисках, их песнями об одиночестве и безысходности.

От матери Алёше досталась не только внешность, но также чистый, лиричный тембр и абсолютный слух. Пользуясь отсутствием отца днём, он разучивал хиты на любом языке, пел их перед зеркалом и записывал себя на камеру, сжимая в руках вместо микрофона освежитель воздуха. У Алёши получалось хорошо – так хорошо, что соседи никогда бы не догадались, что второй голос, сопровождающий популярную песню, принадлежит не профессиональному бэк-вокалисту.

В неполные семнадцать Алёша поступил в Академию госслужбы. О музыкальном образовании отец не хотел слышать, сатанея от одной мысли о том, что его, Колосова, сын подастся к «голубым», как Михаил Иванович называл длинноволосых парней, что толпились у музучилища. Да и не позволил бы он никогда, чтоб мальчишка пошёл стопами матери. Зря разве растил его в спартанской дисциплине?

Мечты о пении и сцене казались Алёше настолько же

нереальными, как полёт к Марсу на выходные. Но где-то в глубине души они не умирали. С тоскливой завистью Алёша смотрел по ТВ на зажигающихся звёзд и звёздочек, и ещё с большей – просто на парней, несущих по улице гитары в чёрных кофрах.

Однажды он пришёл домой и услышал из коридора собственный голос. «...like Jesus to a Child», – несло из его комнаты. Алексей замер в ужасе: как отец мог найти записи? Он же так далеко их запрятал! Не зная, лучше уйти или принять на себя бурю, Алёша стоял на пороге. Впрочем, пути к отступлению уже не было: показался отец. Он медленно снял пиджак с мощного торса, ослабил галстук и закатил рукава. Налитые по-бычьему глаза уставились на сына.

– Посмотрел я, как ты кривляешься и визжишь бабьим голосом, – пренебрежительно процедил Михаил Иванович.

Алёша молчал.

– А ты, оказывается, из «голубых»...

Сын продолжал молчать, но возмущение серой пеной всколыхнулось в душе, увеличиваясь с каждой секундой. Отец с угрожающей издёвкой добавил:

– Если ты собрался подставлять зад мужикам, я лучше сразу тебя покалечу, чтоб дурь вылетела.

Привычный страх перед отцом подмяла неконтролируемая ярость, и Алексей ударил ему под дых первым. От неожиданности Михаил Иванович согнулся и захрипел:

– Ах ты, сука!

Со слепыми от ненависти глазами Алексей монотонно, как робот, бил по гладко выбритому, красноватому лицу, пока отец не выпрямился и не отразил удар. Алёша отскочил в сторону. Не дожидаясь, когда отец, сплюнув на паркет кровь из разбитой губы, забьёт его до полусмерти, Алёша выбежал из дома. В сумке лежал паспорт и пара тысяч на репетитора. На первое время хватит. Алёша нёсся так быстро, как только мог. Запрыгнул в маршрутку и обмяк, устав после взрыва эмоций. Он знал одно: сюда больше не вернётся. Он теперь сирота: нет тирана-отца, и никогда не было шлюхи-матери, что бросила его беззащитным рядом с этим монстром.

Глава 5

Пёс

Машу разбудил не грохот автомобилей за окном, а его отсутствие: только птичий щебет звонко будоражил тишь станичных улочек. Лучи солнца ложились мягкими полосами света между двумя кроватями. Напротив, уткнувшись носом в подушку, спала Катя. Маша спрыгнула с койки и радостно пропела:

– Ка-атка! Просыпайся! Уже утро!

Но подруга только махнула рукой и, пробормотав что-то невразумительное, перевернулась на другой бок.

– Ну, Ка-ать, Катюш, Катёнок, вставай.

Та сморщила нос и не откликнулась.

– Так, да? Ладно, – буркнула Маша и отправилась в комнату напротив.

Подмяв под себя простыни и смешно свесив с кровати узкий зад в обтягивающих чёрных трусах-боксёрах, Юра сопел за двоих. Маша на цыпочках подкралась к нему и тихонько позвала:

– Юра-а!

Тот оторвал от подушки голову и, ничего не соображая со сна, недовольно бросил:

– Имейте совесть. Я в отпуске. Побью.

Маша вздохнула. Подёргала дверь к Вике и Антону. За-

перто. Она обиженно надула губы. Не будить их, видите ли... Сонное царство! А ей что прикажете делать? Умирать от скуки? Нет уж! Спите тут сами!

В нетерпении Маша натянула белый спортивный костюм, и, завязав волосы в хвост, вприпрыжку выбежала во двор.

Приятная свежесть коснулась щёк, чистый воздух вливался в ноздри, омывая прохладой лёгкие. За зелёными вершинами надменно высилось плато, сверкающее белизной снежной шапки. Лёгкий ветер шелестел листвой – лес был совсем близко – рукой подать. Засунув планшет под мышку, Маша выскользнула за ворота – раз уж все такие сони, она сама отправится осваивать местность.

Настроение было чудесным. Умытая росой природа, как дитя, выглядела сейчас особенно нежной, невинной. Свернув с извилистой дороги, Маша спустилась к речке и зашагала по камням вдоль берега, с любопытством рассматривая домики на той стороне: то жилые, с детскими колясками, цветными игрушками во дворе и развешанным на верёвках бельём, то заброшенные, с выбитыми стёклами, опутанные виноградом, окружённые громадными зонтами белокопытника.

Речка свернула вправо, огибая валун. По желтоватой протоптанной тропе Маша поднялась на пригорок. Дорожка повела дальше – через расшатанный мосток, сквозь заросли фундука, по-над набирающей мощь горной рекой.

На скалистом выступе, нависшем двухметровой стеной

над бурлящими водами, Маша остановилась. Носком кроссовки столкнула камешки с высокого края – бирюзовая вода поглотила их мгновенно. Маша отошла на шаг от обрыва и потянулась счастливо. Красиво вокруг! Для полного удовольствия не хватало только музыки. Она достала было наушники, но, передумав, нажала на виртуальную кнопку планшета. Пространство над чашей заводи, над огромными серыми камнями, рассыпанными неведомым великаном по ту сторону бегущей к западу воды, заполнила композиция Яна Тирсена и понеслась эхом дальше.

* * *

Алёша поднялся до рассвета. Вместе со всеми на молитвенном правиле прочитал молитву мытаря и предначинательную, молитву ко Святому Духу и к Пресвятой Троице, молитву Господню и Тропари Троичные, Символ веры и молитвы Макария Великого, а потом мысленно воззвал к иконе Спасителя: «Сохрани мою душу, Господи, в чистоте от греха прелюбодеяния, от блуда и бесовских мыслей! Избавь мене, Господи, от встреч всяких, проведи мой путь в благом одиночестве. Наставь мене, Господи, на путь истинный!» Осеняя себя крестом, он, как должно, отбил двадцать земных поклонов.

После постной трапезы похожий на бухгалтера Никодим, отец-эконом, зачитал по списку послушания для братии и

трудников, отмечая что-то карандашом в большом блокноте. Никодим Алёшу недолюбливал, да тому было всё равно.

Нахлобучив на пшеничные волосы скуфью, в длинном сатиновом подряснике Алёша побрёл в лес за боярышником – выполнять, что велено. Кудлатый, бурый с белыми подпалинами пёс Тимка увязался следом. По дороге к поляне он радостно гонял вокруг послушника, тыкался в пальцы мокрым носом, прыгал на него, пачкая чёрную ткань желтоватыми отпечатками крупных лап. Алёша смеялся и кидал кудлатому другу палку.

Пока послушник набирал в мешок алые ягоды, Тимка куда-то запропастился – должно быть, учуял белку или нашёл для себя интересную диковину. Исцарапавшись вдоволь о шипы кустарников, но набрав мешок почти доверху, Алёша сел на траву, прислушиваясь к неугомонному хору лесных обитательниц, разделяя их на голоса – маленькое музыкальное удовольствие, в котором он не мог себе отказать. Послушник взглянул вверх на объятые полупрозрачной дымкой сиреневые вершины. И вдруг в блаженную тишь ворвалась музыка. Это было совсем не то, что периодически доносилось из станицы. Нежная, переливчатая и одновременно ритмичная мелодия струилась по воздуху, будоража и волнуя. Алёша давно не слышал подобного – с тех пор, как живёт в скиту. А незнакомая композиция вызывала любопытство, манила изумительно красивыми фортепианными трелями и фирменными, сочными причмокиваниями электрон-

ных тарелок — такими, что всегда ему нравились. Мелодия на верхних октавах казалась прозрачной, лазурной с прожилками розового, как небо на рассвете после дождя. Она летела ввысь, к горам, и Алёша не мог усидеть больше на месте. Он рванулся и чуть не упал, зацепившись за куст. На треск рвущейся ткани послушник не обратил внимания, стремясь скорее туда, к чудесной, насыщенной гармонии звуков.

Добежав до реки, он остановился как вкопанный, увидев сквозь орешник девушку в белом. Алёша вспыхнул, узнав в ней вчерашнюю насмешницу. Её длинные рыжие волосы, убранные в хвост, отливали медью на солнце. На большом камне рядом лежал тёмный сенсорный экран. Из динамиков донеслись последние ноты волшебной мелодии, и музыка оборвалась.

У ног незнакомки крутился Тимка. Он льнул к ней, как щенок, и девушка чесала ему за обвислым ухом. Смеясь, она приподнимала его, как крыло бабочки, теребила Тимку за шею, будто собственного любимца, принёсшего комнатные тапочки, и шутливо приговаривала: «Ах ты, хороший собак! Весёлый птичк! Ты откуда взялся? Ну-ну, что? Где твой хозяин?»

Высунув язык и виляя хвостом, оставляя на белой материи брюк тёмные шерстинки, Тимка беззастенчиво показывал, как ему нравится всё, что с ним делали. Предатель!

Алёша развернулся, собираясь уйти, но вдруг она окликнула:

– Ой, здрасте! Это ваш пёс?

Не оборачиваясь, Алёша буркнул: «Нет».

* * *

– Эй! Это ваш пёс? – настойчиво повторила Маша, не услышав ответа. – Я же с вами разговариваю! Вы бы хоть оглянулись.

Стройный парень в длинном одеянии резко повернулся, ветка фундука сбила с его головы круглую шапочку. Схватив её на лету, послушник недружелюбно посмотрел на Машу.

Он был до неприличия привлекателен: тонкий прямой нос, будто высеченный аккуратной рукой скульптора, высокие скулы, взъерошенные, давно не стриженные золотистые волосы. Не портил его даже белый шрам, пересекающий левую бровь, и юношеская неопрятная борода, тёмным контуром подчёркивающая правильный овал лица и упрямый подбородок. Его красивые, большие, чуть удлинённые глаза окрасились свинцово-серой, предгрозовой тяжестью. Сделав шаг вперёд, он проговорил, чеканя слова:

– С вами? Разговаривать? Думаю, не о чем. Пойдём, Тимка!

Покраснев, Маша сглотнула. На ум снова пришла чёрная тень, следящая за ними вчера. «О Боже! Дура я! Какая же дура!» В растерянности она отступила назад. Кроссовка скользнула по неустойчивому камню и, теряя равновесие,

Маша с криком упала навзничь. В доли секунды холодные волны реки сомкнулись над головой, заливая ноздри, больно обжигая глотку. Ничего не понимая, Маша барахталась, чувствуя, как её закручивает потоком, утягивает куда-то вглубь.

Послышался всплеск, и сильные руки в несколько рывков вытолкнули её на поверхность. Глаза резало, Маша жадно пыталась вдохнуть, закашливаясь и выплевывая попавшую в горло воду, а парень тащил её за собой к торчащему из скалистой стены обломку. Она уцепилась за камень, хватая воздух ртом. Послушник подтянулся и вылез на валун, а затем, склонившись, вытянул и Машу.

Дрожа от страха и холода, она не сразу пришла в себя. Обхватив колени, Маша посмотрела на кружащие воронкой воды в бирюзовой чаше. Сверху та казалась совсем не глубокой.

Пёс бегал вокруг Маши, заливаясь лаем.

– Молчи, Тимка, – велел послушник и спросил: – Плавать, что ли, не умеете?

– Умею. Я испугалась, – хрипло, в нос ответила Маша. Она украдкой взглянула на своего мрачного спасителя с точёным профилем. С его носа и мокрой стружки светлых волос крупными каплями стекала вода. Худощавый, мускулистый торс облепила влажная чёрная ткань. Отдышавшись, парень вытер лицо рукой и принялся выкручивать тяжёлый подол.

– Встаньте с камня. Простудитесь, – буркнул он.

– Угу, – кивнула Маша, поднимаясь с валуна.

Голова закружилась, и её качнуло. Послушник подскочил к Маше и, не церемонясь, оттянул подальше от края:

– Снова свалитесь.

– Не-ет. – Маша пересела на кочку, поросшую травой. В кроссовках хлюпало, насквозь вымокший костюм в прохладе утра вызывал озноб. Сняв обувь, Маша вылила воду и начала расстегивать молнию на кофте, но, вспомнив вчерашнее, остановилась и покраснела.

– Что? Сегодня шоу не будет? – с усмешкой спросил он и, презрительно смерив взглядом, добавил: – Обратно сами дойдёте. Под ноги смотрите.

Не дожидаясь ответа, он натянул на мокрые волосы сукфью и, подобрав подол, стремительно ушёл в лес. Пёс помчался за ним.

Маша стянула с себя мерзостно липнущую куртку от костюма, и, пытаясь согреться, побежала к дому. Её одолевал вопрос: «Зачем молодому совсем парню уходить в монастырь? Зачем?!» И только увидев белые домики станицы, Маша вспомнила, что так и не поблагодарила послушника за спасение.

Глава 6

Меломан

– Чего ты бродишь ни свет ни заря? – спросил её Юрка. Он стоял в одних трусах на пороге домика, потягиваясь и зевая.

– Погулять хотелось, – бросила Маша.

– Придумала тоже, – пробормотал он. – О! А чего ты такая мокрая?

– В речку бултыхнулась.

– Ого! – присвистнул Юра. – Прямо в одежде? Жаб решила поугадать?

– Как видишь. Вытащили, слава богу... Монах вчерашний.

– И что? Приставал? – хихикнул Юрка.

– Это ты пристаёшь с дурацкими вопросами.

Маша прошла внутрь домика, шлёпнув по голому плечу Юры хвостом влажных волос.

Юрка отскочил:

– Бр-р! лягушка! – И, подтрунивая, выкрикнул Маше вслед: – Я б тоже к противным, холодным рептилиям приставать не стал!

В их комнатке Катя только продирала глаза, взъерошенная и чуть опухшая ото сна. Снимая на ходу одежду, Маша улыбнулась:

– Привет, соня!

– Хай, детка! Там что, дождь?! – хрипло пробасила Катя. У неё даже шёпот выходил раскатистым, неправдоподобно громким, а голос никак не вязался с женственной внешностью.

– Ага. В окно посмотри, – хмыкнула Маша, набрасывая халат. Захватив с тумбочки принадлежности для купания, она направилась к пристройке с душем. У фанерной дверцы Маша остановилась, глядя на пытающегося освоить деревенский умывальник Юрку.

– Зря мы вчера над ним прикалывались, – задумчиво сказала она.

– Над кем? – не понял Юра.

– Над монахом. Он-то меня спас... Но ты б слышал, как он со мной разговаривал. Как с последней...

– Тю! – ухмыльнулся Юрка. – Не парься! Понятно всё. Пацану секса захотелось, а принципы не позволяют. Велика проблема!

– Не знаю, – вздохнула Маша. – Нехорошо вышло...

– Во даёшь! Влюбилась? – хохотнул Юрка.

– Сбрендил?

Маша брызнула водой из умывальника на Юру. Под его возмущённый вопль она залилась смехом и вошла в душ, думая про себя: «Нет, ну надо ж было такому парню в монахи податься! Красивым нужно запрещать».

Никита пришёл точно к завтраку. Коль скоро речь заходила о дармовом перекусе, нюх проводника не подводил. Пока ребята за столом баловались, словно дети в летнем лагере, таская друг у друга ароматную землянику из вкусной каши на сгущённом молоке, Никита заглатывал один за другим аккуратно нарезанные кусочки копчёной колбасы, ломтики сыра и прочие угощения.

Когда хозяйка опустила на стол круглый поднос, чуть не выплеснув чай из полных чашек, парни начали обсуждать, по какому маршруту сегодня пойти, и Никите пришлось снизить темпы уничтожения еды.

– Маш, а у тебя есть в планшете GPS? – спросил Антон.

– Наверное, во всех есть, – рассеянно ответила она.

– Тащи его сюда, сейчас посмотрим. Если что, в Гугл карту загрузим по-быстрому...

– Упс, его нет, – всплеснула руками Маша, понимая, что забыла планшет на камне у реки.

– А где он? – удивился Антон.

– Кажется, потеряла... – покраснела Маша. Секунду спустя она сорвалась со скамьи, бросив на ходу: – Я – в лес, может, он так и лежит себе на камушке...

– Я с тобой... – воскликнули хором Катя и Юра.

– Я сама, – крикнула Маша, выбегая на улицу.

В два раза быстрее, чем утром, она пронеслась вдоль речки, не обращая теперь внимания ни на домики, ни на природные красоты. Едва она ступила на мостик, её слуха коснулась знакомая мелодия: Ри Гарви допевал последний куплет Аллилуйи из Шрека. Вслед за секундной паузой громче подала голос Бейонсе, но тут же замолчала. Следующая за ней песня Ньюси тоже оборвалась на первом куплете.

«Да это же мой плейлист!» – поняла Маша и ускорила шаг. Под ревущие гитарные аккорды «Линкин Парк» она зашла в орешник. Тропинка вывела к знакомому выступу над рекой.

На продолговатом камне сидел её спаситель. Покачиваясь в такт забойному ритму, отсчитывая его ступнёй в стоптанной кроссовке, послушник выглядел обычным парнем, а не суровым приверженцем монастырского устава. Парень с неподдельным интересом смотрел на экран планшета, улыбаясь так, будто встретил старого знакомого. А самое странное – он потихоньку и очень точно подпевал по-английски «Numb», явно понимая, о чём поёт.

Изумлённая Маша засмотрелась на послушника, но потом подошла ближе.

– Привет. Нравится рок?

Парень вскинул глаза и вскочил так, будто его поймали на месте преступления. Он скользнул пальцем по сенсорному экрану, и музыка заиграла совсем тихо. Послушник протянул гаджет владелице:

– Вот.

Маша не взяла, придерживая ладонью:

– Ты мне жизнь спас, а я даже не поблагодарила... Можешь слушать, сколько хочешь.

Парень пожал плечами. По его лицу было видно, как борется в нём желание оставить айпад и решимость отдать его. Он всё же покачал головой и сказал:

– Нет. Спасибо. Нам нельзя слушать мирскую музыку.

– Правда? – удивилась Маша. – Почему? Это же часть современной жизни, современной культуры.

– Нет. – Послушник настойчиво вложил планшет ей в руки.

– Но тебе же нравится, я видела!

Он лишь произнёс:

– Мне надо идти.

Под гитарные переборы вокалист Limp Bizkit чуть слышно простонал:

*No one knows what is like
to be the bad man, to be the sad man
behind blue eyes².*

² Никто не знает, как это – быть плохим, быть грустным, скрывая всё за голубыми глазами (*пер. с англ.*). Гр. Limp Bizkit «Behind blue eyes», слова Pete Townshend.

Задумчивая, Маша вернулась в станицу. Весь день, гуляя с друзьями по лесным зарослям, она то и дело всматривалась в тени, будто желая угадать за валунами и скалами, за мохнатыми лапами пихт красивое худощавое лицо. Она была рассеянна и пропускала мимо ушей увлекательные истории Никиты, который сыпал ими, как заправский гид.

Вечером после ужина, к всеобщему удивлению, Маша вызвалась помочь Семёновне вымыть посуду. Протирая вафельным полотенцем тарелки, Маша наконец спросила:

– Лидия Семёновна, а монахи из скита в станицу приходят?

– Из скита? – переспросила хозяйка. – Да зачем тебе?

– Так просто. Любопытно.

– Ну, они показываются иногда, когда нужно. По выходным батюшка в церкви служит, часто кто-нибудь с ним приходит: молебны поют, порядок наводят или чинят, если что сломалось. Монахи из Святодухова скита тихие все. Их почитай нету для нашего мира. Молятся да работают. У них там и коровы, и птица своя, и огороды. Да ты небось вчера сама видела. От работы не отлынивают. Не то, что наши лоботрясы.

– Там, наверное, строго у них?

– Не знаю, – ответила Семёновна, – говорят, батюшка хо-

роший, отец Георгий. Настоящий такой. Вроде бывший афганец. У него пальца на руке нет – может, и правда, воевал. Хотя наш народ и языком потрепать не дурак.

– Спасибо, – улыбнулась Маша. – А вы на службы ходите?

– Бывает.

– А я ни разу не была.

– А ты сходи. В субботу. Только прикройся, – хозяйка обвела руками фигуру постоялицы, – ну, там, кофточку позакрывее, юбку длинную, если есть, платочек на голову. Бабушка хороший, но строгий. В восемь утра они начинают.

– Спасибо, – повторила Маша.

– На здоровье, – крикнула Семёновна.

Но, вернувшись к друзьям и их беззаботной трескотне, Маша махнула рукой на эту затею. «Похоже, я съезжаю с катушек. Он – монах, и не о чем тут думать».

Французского вина уже не осталось, но сливовая настоечка а-ля Семёновна на вкус была превосходна и веселила, как забористый виски. Из-под беседки в саду вечеринка вскоре переместилась на усыпанный серо-белой галькой берег реки. Под чернильным небом с частыми вкраплениями звёзд ребята разожгли костёр. Круглые камни, раскалённые пламенем, скоро начали трескаться с громкими хлопками. Под хохот друзей Вика с визгом отскочила, перевернув бутылку и пластиковые стаканчики на камни.

Из динамиков ноутбука страдальчески запела о фальши-

вой любви Рианна: Те амо, Те амо... She says to me...³ Катя встала и, потянув Машу, по-мужски закрутила её, а потом, обхватив за талию, наклонила партнёршу до земли. Танцуя, они то шутливо обнимали друг дружку, прижимались и изображали страсть, то, щёлкая пальцами, как мексиканки, и подбирая другой рукой несуществующие юбки, выплясывали латину, вихляя бёдрами.

Привлечённые музыкой, подтянулись скучающие туристы и местная молодёжь. Окружив костёр со всех сторон, они хлопали и свистели расшалившимся девушкам. На смену Рианне зазвучало какое-то клубное безумие, разрывая динамики, и берег превратился в ночной клуб. Молодёжь бесилась, кто во что горазд.

Запыхавшаяся Маша присела на большое дерево, вцепившееся в берег сухими растопыренными сучьями, окружённое раздавленными жестяными банками из-под пива и пустыми бутылками. Из-за облака жёлтым зрачком выкатилась луна и уставилась на развлечения крошечных человечков.

Маше снова вспомнилось лицо монаха и подумалось, что, наверное, несчастье заставило красивого парня стать отшельником, и посреди безудержного веселья ей вдруг стало грустно.

³ Люблю тебя... я люблю тебя... Говорит мне она (*пер. с англ.*). Исп. Rihanna «Te Amo», слова Mikkel S. Ericson, Tor Erick Harmansen и др.

Глава 7

Колодец

«Как они живут там?» – задавалась Маша вопросом, пытаясь представить быт монахов в скиту: на каких кроватях спят, что едят, чем занимаются... Попытки были тщетными. Да и откуда ей было узнать? Википедия извещала лаконично, что скит – это уединённое, закрытое место для отшельников от посторонних, где они живут в трудах и молитвах, давая обеты более строгие, чем в обычном монастыре. А в обычном монастыре какие обеты дают? – Не понимала Маша. И кто они – монахи? Люди, сбежавшие от общества, потому что не ужились с другими, места себе в жизни не нашли? Или святые, устремлённые к чему-то высшему, готовые жертвовать собой и радостями жизни во имя веры? Это казалось совсем абстрактным, придуманным, взятым из книг.

Маше хотелось забыть о встрече с послушником, как о сотне других, избавиться от того смятения чувств, что никак не оставляло её. Но непрощенные и неуместные мысли о парне в чёрном подряснике приходили сами, вмешиваясь в привычный порядок вещей. Не столько внешняя красота парня, сколько невозможность его понять не давали покоя. Маше вдруг стало интересно, откуда у него шрам на брови? Сколько ему лет? Как его зовут?

Хотя, по сути, какое это имело значение: он не для мира сего, и не для неё он. Никоим образом. Боже мой! Монах?! Как вообще можно о нём думать?

Но с глупой настойчивостью вопросы приходили снова и снова, оставляя ощущение недосказанности, как будто она села на краешек стула и не решается, не может сесть нормально, как будто болят уже бедра от неудобного сидения, но и встать она не в силах.

А жизнь шла своим чередом. Друзья, как всегда, шутили рядом о чём-то, Маша им отвечала и рассеянно смеялась, продолжая бродить по горам, нырять в прохладные, бурлящие вокруг массивных камней воды речки, загорать во дворике под утомлённым уже, не слишком палящим августовским солнцем. Маша видела парня в подряснике пару раз, но лишь издали. Хотелось заговорить с ним, обратить на себя внимание. Но он не замечал её, глядя куда-то вперёд отрешённым взглядом. А потому мысли о нём, как наваждение, ещё сильнее продолжали мучить безответностью и бессмысленностью.

* * *

В пятницу утром, отлежав за ночь все бока, Маша проснулась поздно. Натянув любимые шорты, майку, она вышла к друзьям во дворик. Юрка развалился в шезлонге, подставив солнцу мускулистый живот, и лениво листал журнал. Катя

что-то вязала крючком, поглядывая в схему. Антон и Вика смотрели фильм на ноутбуке, спрятавшись от солнца в тень беседки. Судя по воплям из динамиков, друзья развлекались ужасами. Маша ополоснула лицо ледяной водой из умывальника, с удовольствием жмурясь. Вика оторвалась от фильма и заявила, капризно вытянув губки:

– Хочу шоколадку.

– А я чем тебе не шоколадка? – прильнул к ней Антон.

Вика оттолкнула его игриво:

– Я настоящую хочу, а не мясную...

Катя предложила:

– Пошли в магазинчик. Я тоже от шоколада не отказалась бы.

Юра заартачился:

– Да надоело уже ходить! Туда – сюда. Каждый день – поход! Дайте посидеть спокойно, а то мне после отпуска ещё раз отдыхать придётся.

– Тебя никто не зовет, – заметила Маша. – Сиди, лентюхай. Сами сходим.

Антон поднялся со скамьи, но Катя его остановила:

– И ты сиди. Вдруг мне судьба встретится... А из-за тебя пройдёт мимо.

– Шоколадного зайца испугается, – добавила Вика и провела по губам розовым блеском.

Заливаясь от смеха, девушки вышли на улицу. Они весело спустились с горы к центру, не обращая внимания на осуж-

дающие взгляды пожилых станичников. И впрямь, гламурная розовая кофточка Вики с более чем откровенным вырезом, ультра-короткие шорты Маши и обтягивающие, живописно драные джинсы и топ Кати были бы к месту в ночном клубе, но не на улочке, окаймлённой деревянными заборами и поленицами под листьями старого толя. Девушки продефилировали мимо стадиона под возбуждённый свист мальчишек и, наконец, подошли к сельмагу.

В магазине царило шумное оживление – завезли хлеб. Обсуждая новости и цены, станичницы накупили по несколько булок, чтобы хватило до следующего завоза.

– Блин, – недовольно сказала Вика, – так мы шоколадку до следующего конца света не купим.

– Ну и ладно, – сказала Маша. – Потом вернёмся.

– Не-ет, – замотала головой Вика. – Хочу сейчас.

Катя стала в хвост очереди у крыльца магазина, а Вика, пренебрежительно поглядывая на простецких женщин в халатах, протиснулась вглубь.

Через секунду из недр магазина слышались возмущённые вопли:

– Куда без очереди?!

– Я не за хлебом, мне только шоколадку...

– Все стоят, и ты постоишь. Ишь, городская, наглая!

– У тебя спросить забыла.

– Ах ты ж... Проститутка! Разрядилась тут!

– Сорри, парашюты шьют только на таких коров, как ты.

На меня не нашлось.

– Совсем охамели московские! Пошла отсюда...

Раздались крики и визг, поднялась суетолака. Маша с Катей переглянулись, но не успели нырнуть за подругой в гущу толпы, как у выхода показались её розовая кофточка и всклокоченные высветленные волосы. Вика отбивалась, не глядя царапаясь красными нарощенными ногтями. В одно мгновение потоком пинков её вытолкнуло из магазина. Если бы Маша не подхватила подругу, она наверняка бы слетела со ступенек, расквасив нос.

– Я ж тебя изуродую, сучка крашеная! – сотрясая кулаками и болоньевой кошёлкой, на крыльце появилась тётка – разъярённый гиппопотам в платье в цветочек. На её щеке красовались три кровавые царапины. Продолжая источать ругательства, она кинулась на девушек.

– Гляньте, бабы, как они вырядились – мужиков наших с толку сбивать!

Маша и Катя потянули Вику прочь, но та не унималась и, гримасничая, визжала:

– Да кому они нужны, ваши лохи деревенские?!

Вне себя от возмущения несколько местных женщин во главе с бой-бабой принялись оттеснять девушек к старому колодцу за магазином. В предвкушении зрелищ их окружили зеваки. Вика материлась. «Пора бежать», – поняла Маша, но в тот же момент исцарапанная тётка, пользуясь животом, как тараном, выбила из рук подруг нагло огрызающуюся Вику и

с победным воплем опрокинула блондинку в отвратительно пахнущее чрево колодца.

Ужаснувшись, Маша вскрикнула:

– Что вы делаете?!

Тётка, подбодрённая азартным улюлюканьем и выкриками: «И правильно... Воспитывать их надо! Распоясались совсем. Ай да Ивановна», двинула на Машу. Катя в страхе попятилась за колодец. У Маши пересохло во рту, а в голове угрожающе заревел хриплый басистый голос рэпера: This is war⁴. Она съёжилась, понимая, что бочкообразная туша с группой поддержки легко может её затоптать. Но внезапно чёрная фигура закрыла её собой.

– Бога побойтесь! – грозно остановил их знакомый голос.

Тётки замолчали, и кто-то сказал:

– Да они охамели совсем...

Послушник сурово перебил:

– Все не без греха.

Нападающая Ивановна, сопя, как паровоз, пробурчала:

– Та оне ж понаприехали тут... проучить их надо...

– Об этом на исповеди покаетесь, – отрезал послушник.

Осторожно выглядывая из-за широкой спины в чёрном подряснике, Маша заметила, как, утратив желание воевать, бабы потянулись обратно в сельмаг, возвращаясь к своей очереди за хлебом. Уже из магазина послышалось жужжание всё ещё недовольных и одёргивания более разумных: «Обал-

⁴ Гр. Black Toast Music «This is war».

дели совсем! На туристов нападать! Думать надо! Распугаете...» Машин взгляд скользнул вниз, и она увидела ещё готовые к бою, крепко сжатые кулаки послушника. Из колодца доносился истошный рёв Вики. Послушник перегнулся через подгнивший от времени деревянный борт и вытащил перепачканную в иле, воющую Вику. Маша бросилась к ней:

– Цела?

Вика ныла, размазывая по лицу полосы грязи. Но пострадало только её самолюбие.

Катя, как испуганная кошка с прижатыми ушами, крадучись вышла из-за колодца.

– Ваше счастье – там один ил остался, засыпали его давно, – буркнул послушник. – А вы?

– Я нормально, – промямлила Катя.

– Я тоже, – выдохнула Маша и с неподдельной благодарностью произнесла: – Спасибо!

– Не за что, – бросил он с каменным лицом, скользнув неодобрительным взглядом по её голым ногам. И Маша почувствовала себя, как провинившаяся девчонка перед старшим братом, к которому хочется броситься на шею из любви и восхищения, но по строгому, не улыбочивому лицу было понятно, что делать этого не следует. Без лишних слов послушник чуть кивнул и пошёл дальше – по своим делам.

Подруги привели Вику домой. То хныкая, то матерясь, она шла, растопылив пальцы, с которых стекала тёмная жижа. Когда Вика, напоминающая теперь участницу боёв в грязи, вошла во двор, Антон широко раскрыл рот, а Юрка расхохотался:

– Гляжу, поход удался! Только, Виктория, ты перебрала с шоколадом – вон с носа капает...

– Дурак! – взвизгнула Вика и метнулась в душ.

– Что случилось? – спросил Антон у ещё не пришедших в себя Маши и Кати.

– Кое-кто не хотел стоять в очереди... – пробормотала Маша, – у местных бабок разговор короткий – головой в колодец.

– А вы где были?! – возмутился Антон.

– Слышь, ты на нас голос не повышай – нам хватило уже! – вдруг встрепенулась Катя. – Если б не тот послушник, нас бы тоже из колодца выуживать пришлось.

– Какой послушник? – удивлённо вскинул брови Юра.

– Всё тот же, – ответила Маша, отмывая руки в умывальнике. – Если так будет продолжаться, к концу нашего отпуска я ему не только жизнь, душу задолжаю.

– И чего такого он сделал?

– Заступился. Тёток угомонил, – сказала Маша, не скры-

вая восхищения в голосе: – Причём он вроде чуть старше меня, а сказал, как отрезал. И все послушались.

Юра поморщился:

– Прямо куда ты, туда и он. Похоже, этот маньячина продолжает за тобой следить. Ещё скажи, что это совпадение!

– А мне без разницы: совпадение или нет, – парировала Маша. – Ты тут на шезлонге валялся, а он нас от толпы спас. Из воды меня тоже вытащил. Так что кончай шутить на его счёт. Иначе я тебе сама в лоб дам.

– Больно надо, – обиделся Юрка и закрылся журналом, показывая, что разговор окончен.

Маша пошла вслед за Катей переодеваться – короткие шорты ей вдруг и самой показались вызывающими. Когда она вошла в комнату, Катя задумчиво сидела на кровати с чистой футболкой в руках:

– Ты чего? – спросила Маша.

– Я так испугалась! Жуткие тут нравы, конечно, – заметила она. – А ещё говорят, в городе джунгли.

– Да Вика сама молодец – медаль ей на шею, – поджала губы Маша. – А лучше рот на замок.

Катя подняла глаза на Машу и улыбнулась:

– Зато мне теперь понятно, чего ты так запала на послушника. Его б переодеть, бороду эту нелепую сбрить, и можно на роль принца в сказку. Он потрясный просто!

– Знаю, – отвернулась к окну Маша. – Только мне ничего не светит.

Катя обняла сзади подругу и хитро добавила:

– Не факт. С чего б он тебя так защищать бросился?

– Просто человек хороший. С принципами, – вздохнула

Маша.

Глава 8

Я свободен, я один

Алёша удалялся от сельского магазинчика, угрюмо глядя перед собой. По застывшему лицу никто не догадался бы, какие ураганы свирепствовали в его душе.

Страх в глазах рыжеволосой девушки, её беспомощность перед обозлёнными бабами пробудили в Алёше стремление защищать прежде, чем он успел подумать, стоит ли вступаться за наглую насмешницу.

Достойным ли послушника было такое поведение, Алёша не рассуждал – он знал, каково это – оказаться с толпой один на один. В ответ на мысли засаднил, будто свежий, шрам на брови. Алёша коснулся его рукой, и воспоминания заслонили собой сегодняшний день.

* * *

Три года назад, второпях покинув родной город, Алёша приехал в Краснодар. Сел наугад на первую электричку. Под монотонный шум колёс беглец строил планы и решал, насколько позволяла логика шестнадцатилетнего мальчишки, как жить без чужих указок. «Я – свободен!» – пел в наушниках Кипелов. «Я свободен!» – ликовал Алёша, про себя

подпевая ему.

Он знал, что в Краснодаре есть музыкальный колледж, а Яндекс-карта подсказала, как туда добраться. Окрылённый ожиданиями, Алёша направился в колледж прямо с вокзала: ну и пусть уже сентябрь, попробовать никогда не поздно.

На стене в холле Алёша просмотрел список специальностей и, затаив дыхание, обнаружил «Вокальное искусство». Турникет, пропускающий лишь по студенческим билетам, его не остановил. Проскользнув мимо усатого, как морж, вахтёра, он пробрался внутрь – в коридоры, грохочущие звуками взбесившегося оркестра и рвущими глотки вокалистами. Опера, джаз, народники – всё сливалось в восхитительную какофонию. С замирающим сердцем Алёша бродил по коридорам и заглядывал во все двери в поисках того, кто мог бы его прослушать. Казалось, обязательно скажут «Да!» и придумают что-то особенное – специально для него, чтобы он смог здесь остаться. Наконец в перерыве полная преподавательница с высокой причёской и расплывающейся от жары губной помадой поддалась уговорам. С кислым выражением лица она села за фортепиано:

– Что будете петь, молодой человек?

– Джордж Майкл... Like Jesus to a child.

Она ударила по клавишам. Алёша растерялся, не узнавая в клацающих аккордах мелодии назубок выученной песни. Он вступил не в такт и, не справившись с волнением, попал мимо нот и пару раз дал петуха, причем так громко, что

затряслись стёкла в распахнутом окне. Преподавательница прекратила играть.

– Можно я ещё раз? Я могу лучше... Или что-то другое, – облизывая пересохшие губы, взмолился Алёша. Но она встала из-за инструмента и устало резюмировала:

– Не стоит. Петь вам не дано, юноша. Не тратьте время зря. Займитесь спортом или менеджментом...

Совершенно раздавленный, Алёша вышел из колледжа. Зло отфутболил пустую пачку от сигарет. Сам всё испортил. Гений...

Целый день Алёша бродил по улицам, и на краснодарской жаре его планы лопались один за другим, как попадающие на иглу воздушные шары. Несовершеннолетнего парня без прописки и приписного свидетельства брать на работу не хотели. Но Алёша не сдавался. Он ночевал на вокзале, а по утрам, умывшись в Макдоналдсе, упорно обивал пороги магазинов и контор. Вечерами с отчаянием подсчитывал деньги: несмотря на строгую экономию и диету из нескольких пирожков в день, наличность таяла слишком быстро.

К концу недели Алёшу всё же приняли раздавать листовки перед торговым центром на Красной. Он старательно улыбался, всовывал прохожим в руки призыв устанавливать «самые дешёвые элитные двери», терпеливо ожидая оплаты от агентства. Получив её, можно было бы добавить денег к свято сохраняемой тысяче и найти комнату или, точнее, койко-место. И наесться. А пока вечерами он продолжал прихо-

дить на вокзал и от усталости мгновенно засыпал на жёсткой скамье под шум поездов и скучные объявления диспетчера.

Той ночью он проснулся от тычка в спину:

– Эй, пацан!

Алёша оторвал голову от сумки. Перед скамейкой стоял худой чернявый полицейский, побивая дубинкой о ладонь.

– Смотрю, ты тут у нас прописаться решил? – произнёс тот с гадкой ухмылкой.

– Я поезда жду, – буркнул Алёша.

– Ну да, на целую неделю задерживают. Вай-вай, беда какая. Паспорт покажи.

Сонный Алёша начал медленно копаться в сумке. Полицейский вырвал её из рук:

– Что тут у нас? Опачки, смартфон. – Он протянул телефон двухметровому патрульному в синей форме: – Глянь-ка, Петруха. Небось упёр у кого-то.

– Это мой, – дёрнулся Алёша за мобильным.

– Не рыпайся, – остановил его здоровяк, ткнув дубинкой в плечо. А чернявый уже раскрыл паспорт:

– Посмотрим: Колосов. Ага: Ростов-на-Дону. Не местный, значит. Бродяжничаем?

– Я... нет, – растерялся Алёша.

– Разберёмся, – растаял алчной улыбкой полицейский. – Пошли.

Сидящая напротив старушка забеспокоилась:

– Почему мальчика забираете? Он же никого не трогал...

– Мобильник украл, – доверительно сообщил ей полицейский.

– Я не крал! – возмутился Алёша. – Это мой!

Но в следующую секунду детина в форме волоком тащил его к выходу из зала ожидания. Попытки вырваться были безуспешны. Здоровяк выпустил Алёшу только на улице, у сине-белого «бобика».

– Слышь, мелочь, – обратился к нему чернявый, – мы тебя пока не забираем, но раз ты тут обосновался, гони бабло. За жильё надо платить.

– Это вокзал, а не ваша кормушка! – огрызнулся Алёша.

– Ты что, правда так думаешь? – гыкнул тот. – Петруха, глянь, у нас тут трудный подросток. Воспитай.

Перед Алёшиными глазами мелькнула смятая сотенная купюра из его сумки и заветная тысяча. Алёша бросился к патрульному и закричал:

– Гад, верни... – но поперхнулся под ударом дубинки. Тяжёлый ботинок ткнул под колени, и Алёша упал на землю.

– Отдыхай, – приснул чернявый и положил ему на лицо раскрытый паспорт.

Алёша поднялся с мокрого асфальта и запихнул документ поглубже в карман джинсов. В лужах плавали его тетради и ручки, сумка валялась под кустом, а два патрульных прогулочным шагом направлялись к пустому перрону. Гнев перешибил здравый смысл. Алёша достал торчащую из урны пустую бутылку из-под шампанского и пошёл за ними.

– Деньги верни, – заорал он разъярённо и с размаху опустил бутылку на голову здоровяка. Тот едва пошатнулся и, выматерившись, схватился за голову. Оба патрульных удивлённо обернулись.

– Гля, Петруха, щенок лаяться вздумал.

Алёша размахнулся опять, но его в два счёта скрутили, и бутылка отлетела в сторону. К паре патрульных приблизились ещё человек шесть в форме:

– Чего у вас тут? – спросил невысокий усач, с любопытством рассматривая Алёшу.

– Бомжонка воспитываем.

– Это правильно, – осклабился тот.

– Сволочи, деньги отдайте! – вырывался Алёша, ещё надеясь на справедливость.

Мимо торопливо прошла пожилая пара, поглядывая со страхом и осуждением, но не вмешалась. Алёша заявил громче:

– Я к начальнику вокзала пойду. Тут везде камеры. Я докажу!

– Нам угрожают? – не понял здоровяк.

– Прикинь? Во падла!

– Ща прощения просить будет! Научим.

Толпа патрульных налетела на Алёшу. С матерными шутками и прибаутками дорвавшиеся до власти молодчики пинали его, как мяч, кто ногами, кто кулаками. Когда Алёша валился наземь, они поднимали его, чтобы ударить снова, и

веселились, разбивая лицо и требуя извинений. Но Алёша, глотая собственную кровь, молчал и пытался защищаться, хотя уже не было сил. Последнее, что он увидел, был огромный кулак, приближающийся к глазу.

* * *

Когда Алёша очнулся, патрульных рядом не было. До ушей донеслось чьё-то сопение. Алёша попробовал сесть. С первого раза не вышло. В щёлке глаз возникло по-алкогольному оплывшее, грязное лицо с розовым в дырочку, как недоспелая клубника, носом. Алёша сделал вторую попытку сесть – получилось. Всё болело. Он скривился, но не издал ни звука. Глаза раскрылись чуть больше, и к алкогольному лицу непонятного пола добавилось тело, одетое в сотню источающих вонь одежек. Маленькое смрадное существо выразило сочувствие:

– Эк они тебя! Давай помогу. – И протянуло чумазую, закорузлую руку.

Одолеваемый клопами и кошками, Алёша отлёживался на драном матрасе в подвале хрущёвки, куда его милосердно привел маленький, но совсем не юный бомж Жека. Тот был готов поделиться с гостем найденными объедками и водкой, но Алёшу тошнило, и он только качал головой и скрючивался над синим полиэтиленовым пакетом. Жека подгулявшим

голосом рассказывал новичку о том, что нынешнему бомжу пропитаться всё труднее – народ пошёл жадный: не подаёт, разве что у церкви – но там конкуренция. Благо, никто теперь не подбирает десятикопеечные монеты – согнуться лень – а порядочному человеку на булку хлеба насобирать легче. Надо только места знать.

Запрокинув голову, Алёша смотрел подбитыми глазами на бетонный потолок подвала и вспоминал совсем недавно написанное сочинение к пьесе Горького «На дне» – его пятёрка и философский лепет теперь ничего не стоили. В этой жизни важнее было знать, где подбирать монеты, где жирнее объедки. И вооружиться битой.

С труб свисала стекловата и старое тряпье. Доносились утробные звуки канализации. Кошки жадно впивались зубами в собственные шкурки, вылавливая блох. На остатках полосатого кресла восседал Жека, с аппетитом подкрепляясь водкой и обгрызенной кем-то шаурмой. «Ниже падать некуда», – стиснул зубы Алёша.

Но горизонты потенциального падения оказались гораздо шире, когда через несколько часов их навел бородатый верзила. Жека залебезил, его голос стал тише и елейнее. Опытным глазом разглядев под сине-красными наплывами на лице Алёши новичка и, не стесняясь, обнюхав, статусный бомж многозначительно подмигнул:

– Сладкий.

– Спрос будет, – заискивающе вставил Жека. – Как синяки

с хари сойдут.

У Алёши перехватило дух от возмущения.

– Да я себе его возьму, – с видом благодетеля заявил статусный и масляно улыбнулся Алёше: – Помоемся вместе, а, белёк?

Соскочив с матраса, будто не было боли в ребрах, Алёша схватил за горлышко валяющуюся рядом пустую бутылку и встал, полусогнутый, в оборонительную позицию. Хохотнув, бомжеватый верзила великодушно предложил новичку остыть и подумать до завтра, намекая на преимущества своего покровительства и возможность пойти по рукам, если что. Он ушёл, а Жека с укоризной взглянул на Алёшу:

– И тут на рожон лезешь. А надо приспособливаться. Я тебя, что ли, кормить буду? Возвращайся лучше к маме и папе.

– Спасибо за совет, – тяжело дыша, пробормотал Алёша и выбрался из подвала. Вечернее солнце освещало незнакомый двор. Сгибаясь и придерживая рукой ноющий бок, Алёша побрёл прочь. Свернув на улицу, он обомлел, увидев собственное отражение в витрине: опухшее лицо с засохшей коркой крови по левой стороне, разукрашенное сизо-бурыми фингалами и ссадинами было не узнать. В разодранных на коленях грязных джинсах и вымазанной до неузнаваемости куртке, парень с перекошенным лицом мало чем отличался от киношных зомби. «И грим не нужен», – хмуρο усмехнулся Алёша – зомби в витрине отозвался кривым

оскалом.

Алёша шагал, потеряв ориентир. Куда? Зачем? Просто шагал, пока несли ноги. Во рту было отвратительно сухо, предательски завывал желудок. Над крышами показались тёмные маковки с золотыми крестами. Церковь. «Там попить можно», – вспомнил Алёша слова Жеки.

Увенчанные свинцово-серыми куполами мощные башни и стены из красного кирпича довели над окружающими зданиями. Кривясь от боли, Алёша преодолел площадь и взобрался по ступеням собора. Алёша бросился к диспенсеру с водой, толкнув плечом проходящего мимо мужчину в рясе.

– Осторожнее, – пробасил тот.

Алёша извинился и дрожащими пальцами подставил пластиковый стаканчик под струйку чистой воды. Когда Алёша обернулся, невысокий плотный священник смотрел с сочувствием.

– Молодой человек, вам нужна помощь? – спросил он.

– Нет, – глянул исподлобья Алёша.

– Вы уверены?

– Мне не надо помогать! – резко ответил он и вышел из храма.

Алёша сел на одну из скамеек под кованым фонарём, отвернувшись от церкви и от проходящих мимо людей. Его снова вырвало. Алёша вытер губы рукавом и закрыл глаза, провалившись в мысли. В голове и груди всё налилось каменной тяжестью. Он думал только об одном: как найти чер-

нявого патрульного и столкнуть его под поезд или утянуть за собой – на что хватит сил.

Чья-то рука опустилась на плечо. Алёша дёрнулся, готовый драться.

– Спокойно, спокойно, парень, – это был тот же священник.

Алёша зло бросил:

– Что? И здесь за скамейки платить надо?!

– Глупости какие! – опешил тот. – Сядь, успокойся.

Алёша опустил обратно на скамью, а священник присел рядом и протянул ему влажный платок:

– Оботри лицо. У тебя кровь запеклась. Вот здесь, возле глаза.

Алёша опустил голову:

– Незачем.

Священник внимательно всмотрелся в собеседника:

– Что бы ты ни говорил, а помощь тебе правда нужна.

– Не надо меня жалеть.

– А я не жалею – говорю, что вижу. В Бога веруешь?

– В Бога? – состроил гримасу Алёша. – Да разве только в того, что придумал компьютерную игру, которую вы жизнью называете. Сидит там и играется, проходит человечками уровни, баллы набирает, навешивая пожёстче тем, кто слабее. Чпок! Отлично не получил? По голове ему. Заработал баллы? Хорошо. А другого в канаву. У него «жизней» уже не осталось. Отстой. Неинтересно. Говорите, это кровь? – по-

казал Алёша на лицо. – А может, это просто графика?..

– Какая графика, тебе же больно, – ужаснулся священник. – О чём ты?

– А кому какая разница, что мне больно? Человечков много – семь миллиардов. Пусть одним или парочкой будет меньше. Может, вашему Богу баллов заработаю.

– Родителям твоим не всё равно...

– У меня их нет, – сверкнул глазами Алёша. – Я один.

– Мне не всё равно.

– С чего бы?

– Ты в храм пришёл. Сам. И я когда-то сам пришёл. Такой же потерянный. И ранен был хуже твоего. Не в уличной драке – в бою. Видел, как ребята, друзья мои, умирают, за чужие идеи сражаясь. Видел, как руки-ноги взрывом отрывает. И никому не нужен был, пока к Господу не обратился, пока не увидел, что есть другая жизнь, и смысл в ней есть, и свет, и радость. Поэтому мне не всё равно. Закрывать глаза на то, как рядом со мной душа страдает, не буду.

Алёша вдруг увидел натруженные, мозолистые руки священника: на правой не было указательного пальца. Беспалая кисть казалась неправильной, недосказанной, и оттого почему-то не лживой, будто покорёженная жизнью, она прошла проверку и врать не могла. Алёша медленно поднял голову:

– И какой же в ней смысл? В жизни?

– В том, чтобы мир делать светлее, лучше, начиная с самого себя. В том, чтобы душа к высшему, к Богу стремилась.

Ведь столько тайн ещё нераскрытых. В том, чтобы научиться любить ближнего, как Господа – сильнее, чем себя, служить ему и отдавать больше, чем берёшь.

– Это слова просто... Люди так не живут. Они жестокие.

– В миру жестокие, потому что не любят, и оттого страдают, от Бога оторванные. Но бывает и по-другому.

– Где же это?

– Хотя бы в храме или в скиту нашем. Можешь сам убедиться, если захочешь.

Алёша молчал. А священник, словно угадывая его мысли, добавил:

– Жизни лишиться или вернуться к своей теории о компьютерной игре ты всегда сможешь. Но, может, тебе любопытно посмотреть, как живут люди иначе?

Алёша сглотнул и пожал плечами.

– Ну, решай. А пока пойдём, поедим чего-нибудь. Матушки в Свято-Екатерининском соборе очень гостеприимные, наверняка уже стол накрыли в трапезной. Я есть хочу ужасно. А ты? – улыбнулся в бороду священник и протянул Алёше руку.

Глава 9

Храм

Вика была вспыльчивой, наглой, эгоистичной, но отходчивой. В первые минуты она порывалась уехать, зато потом, когда с извинениями за «глупых баб» и уговорами остаться поспешила хозяйка и её муж, а следом притащилась жена главы, Курдючиха, сам глава и симпатичный молодой завклубом с древнеславянским именем Святозар, Вика сменила гнев на милость. Маша не могла уехать в любом случае – её ждала работа, а остальным было, по сути, без разницы. Скандал в магазине обернулся приглашением выступить на местном празднике.

На следующий день, возвращаясь с прогулки к серебряному источнику, Маша с друзьями пошли за Никитой по самому короткому пути к дому Семёновны. Они поднимались в гору по горбатой извилистой улице, окаймлённой выцветшими заборами, за которыми виднелись простенькие постройки. То тут, то там над оградой нависали ветви с сочными жёлто-красными яблоками, синими, лопающимися от сочности сливами, зеленоватыми ещё грушами – протяни руку и угощайся. Вскоре показалась малюсенькая кирпичная церковь, возвышающаяся над лужайкой, любовно усаженной неприхотливыми цветами. Церковный участок окружал ровный, тщательно подогнанный, не в пример соседним, дощатый за-

бор. Высокие деревянные двери церкви были распахнуты.

Маша вытянула голову, чтобы рассмотреть чёрные фигуры внутри. Она так старательно вглядывалась, что Вика спросила:

– Чего там интересного?

– Да так, ничего, – пробормотала Маша, не отрывая глаз от мужчин в рясах.

– Поклонника высматривает, а то перестал, болезный, за ней следить из кустов, – хихикнул Юрка и получил тычок в спину.

Никита прищурился и процедил:

– Терпеть их не могу: понавывдумывали всякого. Бесы им везде видятся. А у самих тараканы в голове стадами...

Убедившись, что кроме московских туристов его никто не видит, Никита саданул что есть мочи ботинком по калитке. Её перекосило. Юра тоже наподдал кроссовкой по заборчику рядом.

– Что вы делаете?! – всплеснула руками Маша. – С ума сошли?! Никита, я вообще не пойму, чего ты так на них взъелся?

– Лицемеры они все. Говорят одно, а делают другое. Ненавижу!

Маша лишь пожала плечами. Они уже почти обогнули церковный двор, когда люди в рясах появились на бетонных ступенях крыльца. У Маши ёкнуло сердце. Она смотрела во все глаза, но знакомого лица не увидела: там был лишь

убелённый сединами старец с окладистой бородой, плотный невысокий священник и двое долговязых монахов. Они чинно обсуждали что-то. Их слова до туристов не долетали.

– Слушай, какие они укутанные в жару! – обратила внимание Катя.

– Меня бы под дулом автомата не заставили сейчас надеть чёрное платье с длинным рукавом, да ещё и шапку такую нахлобучить, – сказала Вика.

– Она скуфья называется, – пробормотала Маша.

Антон присвистнул:

– Опа, а ты у нас знаток по монахам?!

– Да нет, – смутилась Маша, – в Интернете прочла.

Друзья удивлённо посмотрели на неё, и Юрка уже без смеха добавил:

– Марусь, а ты не загоняешь? Из-за того пацана, что ли? На кой чёрт тебе монах?

– Не из-за него... Это так, от нечего делать. – Маша сорвала с ветки, свисавшей прямо над её головой, тёплое румяное яблоко и подмигнула Юре: – Хочешь?

– Не хочу, – буркнул Юра. – Ты лучше монаху своему предложи, соблазни его, как Ева Адама. Змею подогнать, чтоб ему в штаны залезла, или так справишься?

Все засмеялись, а Маша раздражённо выкрикнула:

– Да перестаньте уже! Что вы ко мне привязались?! – Она в сердцах швырнула яблоко на землю и быстрым шагом пошла вперёд.

«Не случайно мы вышли к церкви», – решила Маша. Ей вдруг показалось, что, оказавшись там, она найдет хоть один из ответов на свои вопросы, сможет почувствовать что-то, увидеть реальность другого – его мира, такого далёкого, шедшего параллельно с её собственным, но никогда не соприкасающегося.

Во дворе хозяйка развешивала бельё на верёвки, натянутые между двумя кряжистыми абрикосовыми деревьями. Маша подошла к ней:

- Лидия Семёновна, я спросить хотела...
- Спрашивай, – сказала женщина, щурясь от солнца.
- А сегодня служба будет в церкви?
- Вечерняя? Да, будет. В шесть часов.
- Спасибо, – ответила Маша, – а сейчас сколько?
- Да уже, почитай, половина.

Не говоря ни слова, Маша устремилась в домик. В поисках подходящей одежды она перевернула всю сумку, вытянув блузку с длинными рукавами и светло-голубую юбку, едва прикрывающую колени. Когда она перед зеркалом пыталась стянуть пониже джинсовую юбку, недовольно морща носик, в дом зашли подруги.

- Катюш! – взмолилась Маша. – Дай мне твой сарафанчик, а? Тот, с красными узорами.
- Бери, только ты в нём утонешь.
- Спасибо, спасибо, спасибо. – Маша кинулась на шею Кате и зацеловала её в щеки.

Та даже смутилась:

– Какая ты любвеобильная сегодня!

Маша скрылась в комнате. Когда через несколько минут она вышла во дворик, ребята её не узнали – в длинном белом сарафане с красными и чёрными фольклорными узорами поверх тонкой, как паутинка, батистовой блузки, с рыжей косой, змейкой спускающейся по плечу до самого пояса, в белых балетках, улыбающаяся, как дошкольница, она была трогательной и непривычной.

– Хорошо так, да? – сияла Маша.

Антон аж привстал:

– Не то слово! Марусь, тебе ещё платочек на голову и в сказку «Морозко».

– Ой, точно! Платочек..., а где ж его взять? – спохватилась Маша.

Вика надула губы и пренебрежительно сказала:

– Ничего хорошего! В клушу деревенскую превратилась.

– Ты завидуешь, – хихикнула Катя, – тебе, чтоб так выглядеть, надо тонну косметики нанести, а Машка сама, как цветочек. Кстати, цветочек, а ты куда намылился в таком виде? В сказку «Морозко»?

Маша покраснела:

– Да я так, пройдусь по-быстрому.

– Выйду на улицу, гляну на село? – подмигнула Катя.

Юра скептически посмотрел на Машу:

– В церковь она собралась. Раз монах на шорты не ведётся,

надо его сарафаном искутить... Непонятно, что ли?

Маша закусила губу, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Она в таком маскараде небось решила стриптиз-шоу перед попами устроить, – громко захохотала Вика. – Новая участница Пусси!⁵ Я этого не пропущу!

– Нет, никакого маскарада, – насупилась Маша. – И уж тебя мне в провожатые точно не надо. Я сама пойду.

Катя поднялась из-за стола:

– У меня платка нет, а шарфик шифоновый могу дать.

– Дай, пожалуйста.

* * *

После вчерашнего поступка послушника к восхищению внешностью парня, к любопытству и интересу у Маши добавилось уважение. Он был иным, совсем не похожим на тех молодых людей, которые её окружали. Маше захотелось хоть что-то сделать так же, как он, стать на шагок к нему ближе.

Она зашла в полутёмное помещение церквушки, освещённой лишь маленькими пятнышками свечей и лучами солнечного света, падающими на стены из узких окошек-бойниц под куполом. Ещё неделю назад Маша сама бы посмеялась над собой, как Вика и Юра, но сейчас все её существо замерло в ожидании.

⁵ Скандально известная женская панк-группа.

Он тоже сюда приходит, чувствует тот же сладковатый запах воска, ладана и свежееобработанного дерева, видит побеленные стены, лица святых в золотом облачении, со сверкающими нимбами над головами, слышит этот скрип половиц. Маша робко обошла залу, рассматривая иконы, и стала в центр, прямо под купол.

Вскоре пришел батюшка – тот самый, невысокий, с большим умным лбом и внимательными глазами. Маша сразу прониклась к нему симпатией, ей хотелось поклониться, как делали рядом стоящие старушки, но она смутилась и просто стояла, взволнованная, как перед первым свиданием. Появились два монаха. При виде чёрных ряс сердце заколотилось – но того, кого она так жаждала увидеть, среди них не было.

Батюшка начал читать молитвы, то переходя на речитатив, то растягивая фразы, из которых Маша могла понять только десятую часть. Какой-то проникновенный, красивый голос, от которого кожа сама покрывалась мурашками, вторил батюшке. Кто пел, Маша не видела. Она неумело крестилась и повторяла поклоны за местными женщинами, подчиняясь странной мистерии однообразных движений. Мир преображался, и она, будто в омут, ныряла в тёмные, неизвестные ей воды, чувствуя, что, наверное, в них утонет.

Служба окончилась. Маша вышла из церкви тихая, словно заколдованная, и долго смотрела на горы, вдруг показавшиеся ей совершенно другими, не замечая пристального, жгучего взгляда, жадно следящего за нею с бокового входа храма.

Глава 10

Хлеб да вода – мужская еда

На исповеди Алёша покался в недавней неводержанности, выслушал рассказ отца Георгия об Иове, который поклялся не смотреть на женщин, дабы сохранить в чистоте путь свой, и, получив отпущение греха, успокоился. Впрочем, ненадолго – до следующего дня, когда он снова ненароком увидел отливающие медью рыжие волосы – казалось, такие могут быть только у вечно танцующих принцесс в диснеевских мультфильмах. Девушка с друзьями вывернула со стороны «Медвежьего камня», видимо возвращаясь из похода. Не останавливаясь, она собрала локоны в хвост и натянула кепку. Черноволосый парень рядом с ней что-то рассказывал, жестикулируя и гримасничая, а она смеялась так заразительно, что хотелось улыбнуться и прислушаться к чужим шуткам. «Ерунда всё это», – сказал себе Алёша, но к сердцу откуда-то из глубины поднялось волнение. Сворачивать в сторону было поздно и глупо. Он уставился под ноги и пошёл прямо.

Смех прервался. Внезапно. Как недоигранная фортепианная трель. Быстро шагая, Алёша услышал голос парня: «Ты чего?» и её тихое, но все равно звонкое, колокольчиковое: «Всё нормально. Что там дальше?» И Алёшино сердце снова предательски ёкнуло.

Туристы остались за спиной, можно было вздохнуть спокойно, но отчаянное желание обернуться, чтобы посмотреть на нее ещё раз, засвербело во всём теле. Алёша нахмурился и не обернулся, вскипая раздражением на самого себя. Во всём должен быть смысл. В желании видеть испорченную девчонку смысла не было.

* * *

С большим холщовым мешком на плече Алёша зашёл в светлую, недавно совсем поставленную братьями трапезную, – отдать собранный на пригорке шиповник. Отец Никодим назначил ему новое послушание – не сложное, но трудоёмкое – насобирать для скитской братии трав и ягод на зиму: чаи заваривать, лечить, кого понадобится. Благо природа щедра была на богатства, рассыпала алые ягоды шиповника и боярышника на склонах, усеивала полезными травами горные полянки. Фундук, яблони, груши – чем не сокровища? Уже и сочный, кисло-сладкий кизил созревал в лесу на горе – вот-вот урожай собирать надо будет. А какое из него варенье делал брат Филипп! Пальчики оближешь!

Сейчас он, румяный, полноватый, с проседью в каштановой бороде, закатав рукава, с удовольствием месил тесто. Пухлое, ароматное, податливое, оно казалось живым.

Брат Филипп, по правде говоря, был поваром от Бога. Раньше, в мирской жизни, ещё когда служил коком на круизном

лайнере, пристрастился Филипп к героину. Бросить не сумел, пока к Богу не обратился. Лишь молитва да братья помогли. А жену потерял, детей чужой человек усыновил, да и вообще жизнь покатила в самые тартарары. Уже трезвым пытался Филипп к мирским делам вернуться, но не выдержал – ушёл обратно в монастырь. Он потом рассказывал Алёше: «Знаешь, зайду в метро, как в подземелье, там люди какие-то пластиковые, не настоящие. А в монастыре душа радуется, светится будто. Богу служу, братьям, и в этом моё предназначение. Уже пятнадцать лет почти...»

Из Тихорецкого монастыря брат Филипп перешёл вслед за отцом Георгием сюда – дальний скит поднимать, да так и остался. Сначала совсем было тяжко – они поселились возле разрушенной церкви, потерявшей в веках имя, в сараюшках в заброшенном хуторе станицы Залесской – ни печи, ни кровати: только лес вокруг. Это теперь скитское хозяйство чуть ли не больше станичного будет: огороды раскинулись – взглядом не охватишь, коровы молока столько дают, что и скитским хватает, и в главный монастырь отправляют. Покинутый когда-то храм зажил новой жизнью, побеленный, восстановленный с большой любовью и тщанием. Скит разросся скоро, словно Божьей рукой ведомый.

Несмотря на то что вроде бы и не положено было скитским предаваться гурманству, нет-нет, да брат Филипп принимался кудесничать по-своему. На Святую Пасху пёк пахнущие мускатом и кардамоном куличи по старинным,

невесть откуда разведанным рецептам. В Рождество из простой снеди творил разные деликатесы. Каждый день, приговаривая: «Хлеб – дар божий, отец-кормилец», доставал брат Филипп из русской печи воздушные, с аппетитной хрустящей корочкой караваи.

Алёша громко поздоровался:

– Доброго дня, брат Филипп. Я шиповник принёс. Куда его?

– Сейчас, мой хороший, сейчас, – улыбнулся тот. Окунул кисти в таз с водой и обтёр их вафельным полотенцем.

Монах достал большую деревянную раму, на которой была натянута мелкая сетка, и вышел на улицу, поманив за собой послушника. Там Филипп приладил раму на крючки, торчащие из стены, и указал:

– Вот сюда рассыпай, под солнцем быстро просохнет.

– Угу, – кивнул Алёша и занялся делом. По вискам парня струились капельки пота.

– Бог в помощь, – сказал брат Филипп. – Квасу хочешь?

– Да.

Через минуту Филипп протянул Алёше большую кружку с ярким подсолнухом на боку:

– Угощайся.

– Спасибо.

Алёша быстро осушил кружку и вернулся к работе. Брат Филипп любовно смотрел на послушника, думая, что и его

сыну сейчас почти столько же. Как обычно, Алёша снова измазал в чем-то подрясник – наверняка на траве сидел. У ног его крутился пёс Тимка, только Алёша ничего, кроме шиповника, не видел и с застывшим выражением лица высыпал красные ягоды из мешка, разравнивая их затем рукой на сетке.

– Дружочек, – сказал Филипп, – все ли с тобой ладно?

– Да, брат Филипп, – буркнул Алёша.

– Что-то на тебе лица нет. Ты не болен? Может, сказать отцу Георгию?

– Нет! – Алёша резко обернулся. – Не надо...

– Друг мой, – не унимался брат Филипп, – ты как закончишь, зайди ко мне на кухню, потолкуем. Не убегай только.

– Ладно, – бросил послушник, продолжая своё дело.

* * *

Когда Алёша вновь зашёл в трапезную, она уже наполнилась кисловато-тёплым ароматом чуть схваченного жаром теста.

– Управился? Присаживайся.

– Мне в сад надо. Сливы собирать.

– Сейчас пойдёшь, – ласково сказал брат Филипп. – Садись, я тебя чаем угощу.

Послушник сел на край длинной скамьи. Монах подał чаю и неровный ломоть белого хлеба. И себе налил в боль-

шую коричневую кружку.

– Скажи, брат Филипп, ты счастлив? – вдруг спросил Алёша.

– Конечно, – кивнул Филипп.

– А почему?

– Ну как же, – развёл руками улыбающийся монах, – я делаю то, что мне по душе. Я ничего ни от кого не требую и не жду, Господь и так мне всё даёт. А я ему благодарен. За жизнь благодарен, за тело моё, – брат Филипп пошевелил носками ног в грубых ботинках и покрутил кистями рук, – вишь, какое хорошее, что я с ним ни делал, а оно всё работает! Чудны дела твои, Господи! Глянь, в какой я теперь кухне тружусь. И за неё благодарен. Слышишь, как птички поют на деревьях? Меня радуют. И за них я благодарен Господу. А благодарность – та же любовь. Господь любит меня, а я его.

Алёша вздохнул и отставил кружку:

– Это хорошо.

Брат Филипп посмотрел на него обеспокоенно и добавил:

– Что-то на тебе лица нет, – заметил брат Филипп. Его взгляд вдруг коснулся сбитых костяшек на руке. – Ты не подрался часом ни с кем?

Алёша возмущённо вскинул глаза:

– Нет! – И опять замолчал.

– Алёша, что б ни случилось, ты за веру держись, за молитву. Вот представь: шторм, моряки должны хвататься за поручни, чтоб по палубе пройти. А молитва и вера может

удержать крепче любого поручня, только не отпускай. Тут только первые десять лет тяжело.

– Знаю, – снова вздохнул послушник.

– Ну ладно, не хочешь, не говори, – сказал монах. – А если передумаешь, я тебя выслушаю всегда. А лучше к наставнику своему, отцу Георгию, пойдешь, исповедуйся. Не стоит тяжкие думы в себе держать.

– Спасибо, брат Филипп, – пробормотал Алёша, вставая со скамейки. – Пойду я.

– Иди, иди.

Алёша быстрым шагом направился к саду, подхватив пластмассовое ведро. Уже в саду, собирая тёмно-синие, подернутые сероватым налетом сливы, он подумал: «Всё проходит. И это пройдёт».

Но рыжеволосая девушка, как на грех, попадалась ему на глаза снова. И каждый раз в первый миг встречи с коротким вздохом на Алёшу обрушивалось странное чувство. Радость? Почему? Радоваться было решительно нечему. Алёша раздражался и мучился от непонимания: откуда такая одержимость ею? Разве он не видел других женщин, девушек, девчонок: местных или приезжих, красивых или обыкновенных. Но почему, почему возникает это желание видеть именно её, слышать звонкий, немного детский голос с мягким «л», похожим на «в». Она так и говорила неправильно, забавно: «пваншет» и улыбалась. Постоянно улыбалась: то развязно, то смущённо, то мило, то насмешливо.

Всё в ней было искушением, особенно мирские песни в забытом планшете, они безжалостно растолкали задремавшую память о том, чем Алёша дорожил ранее в трудном, неприветливом мире. Всколыхнулась в душе страстная жажда ритмов, аккордов, тоска по богатству мелодий и голосов. И в голове сама собой рождалась музыка, а с нею волнение и необъяснимая неудовлетворённость...

* * *

Во время вечерней службы Алёша, как обычно, пел на хорах и снова увидел её – только другую совсем, скромную, притихшую, в полупрозрачной светлой косынке, узелком завязанной под нежным подбородком, в длинном, до пят, платье. Она стояла по центру, зачарованно глядя на отца Георгия, крестилась как-то размашисто, неумело, но старательно, кланялась до земли. Её юное, не тронутое косметикой лицо освещал свет, падающий из оконцев, и каким-то чудом блудница преобразилась в ангела. Сердце Алёши забилось сильно, нарушая все обеты. На секунду ему показалось, что красивее он никогда ничего и никого не видел.

Когда служба окончилась, Алёша украдкой выглянул из боковой дверцы, страстно желая видеть её ещё. Он представить себе не мог, как живёт это существо из параллельного мира, что движет ею. Удивление и недоумение растворяли все недобрые мысли о рыжеволосой девушке, и неведомое

чувство поглотило его с головой.

Глава 11

Кошелёк

– Ты здесь, Алёша? – Голос отца Георгия вырвал послушника из раздумий.

– А? – спохватился тот, поворачиваясь к наставнику.

Священник улыбнулся, глядя на солнце, расплескавшее по небу красно-жёлтые краски:

– От такого заката и правда глаз не оторвать...

– Да, батюшка, – кивнул Алёша. Не заметил бы игумен, что вовсе не на закат он засмотрелся, а на удаляющуюся вверх по улице фигуру девушки.

– Я, собственно, чего хотел, – сказал священник. – Там калитка покосилась и ограда возле неё, словно какой-то шалопаи на кривой козе въехал. Ты бы приладил.

– Хорошо.

– Ящик с инструментами под скамьей в ризнице.

– Найду.

– Вот и ладно. Мы с братьями в скит пойдём, а ты задержись. Думаю, много времени не займёт.

– Да, батюшка. Благословите.

Скоро сумерки мягко опустились на Залесскую, подсинив белые стены храма, окрасив в густые сизоватые тона все, что радовало днём ярким колером. Станица потемнела, будто художник плеснул в каждую краску на палитре берлинской

лазури, перемешав, перепутав детали картины. Алёша работал не спеша. Он прислушивался к тому, как мычат загнанные в хлева коровы, как заливается где-то мелкая, должно быть, но голосистая собака. Из какого-то двора доносилась музыка. Заядлое тымц-тымц – совсем не то, что он слушал из динамиков крошечного компьютера. Снова вспомнился «пваншет», и Алёша чуть заметно улыбнулся.

Закончив выправлять калитку, он подхватил ящик с инструментами и вошёл в церковь. На включенный электрический свет потянулась внутрь суетливая мошकारа. Алёша отмахнулся от неё и прикрыл дверь. Он поставил тяжёлый ящик обратно под покрытую лаком деревянную скамейку и поискал глазами ключ.

Странный звук привлёк его внимание. Шаги? Кого это принесло на ночь глядя? Алёша выглянул из ризницы и застыл – в дверях храма стояла она – та самая. Рыжая девушка остановилась в нерешительности, явно робея и чувствуя себя не в своей тарелке. Она была ничуть не похожа на ту едва одетую насмешницу, какой он увидел её впервые. В искреннем смущении она казалась совсем девочкой. Изумительно красивой, милой, как героиня русской сказки, в длинном сарафане с красными и черными узорами, выющимися по белой ткани. Тонкий платок, небрежно брошенный на голову, съехал, и под светом ламп её волосы показались ещё более насыщенными, почти красными. Они чуть распушились и, как легкий нимб, обвивали макушку, окружали красно-

ватым облачком длинную расплетающуюся косу. «Пришёл красный одуванчик...» – подумал Алёша. Ему захотелось улыбнуться, но он себе не позволил.

Девушка смущённо потупилась:

– Извините, я заметила свет. Думала, здесь кто-то другой...

– Только я.

Она вздохнула и произнесла:

– Мне жутко неловко, но я знаю, кто заборчик сломал. Когда мы шли днём мимо... В общем, как бы, это был один из нас...

Алёша неожиданно для себя хмыкнул:

– Колодец. Обрыв... А теперь вы решили испытать на прочность ещё и наш забор?

Девушка удивлённо взглянула на него:

– Нет, это не я...

– И то слава богу!

Она прикусила губу и вытащила из-за спины кошелёк.

– Но я бы хотела возместить ущерб... Потому что это неправильно...

Алёша оторопело смотрел, как она достает ровные, будто только что отпечатанные купюры из красного кошелька. Увидев его взгляд, девушка смутилась ещё больше:

– Этого мало, да?

Еле сдерживая улыбку, Алёша строго проговорил:

– Деньги вас не спасут. Не всё покупается. Придётся от-

работать...

Она совсем растерялась:

– Я не умею... чинить...

– Тогда на картошку, – совершенно серьёзно сказал Алёша.

– На картошку?... – широко раскрылись её глаза.

Глядя, как невероятно очаровательное и совершенно ошеломленное существо хлопает ресницами, а потом вдруг наполняется решимостью, Алёша не смог удержаться от смеха. Хохоча, он кивнул на купюры в её пальцах:

– Ничего не надо. Спрячьте деньги. Я уже починил. Спите спокойно.

– У меня, похоже, дурная привычка – всё делать не к месту. – Её голос стал ниже, и трогательная детскость в лице сменилась холодностью. – Не надо так не надо... Извините, что побеспокоила.

Она резко развернулась, взметнув косой и подолом сарафана, и сделала шаг к выходу. Обиделась? Алёша перестал смеяться. За долю секунды он испытал изумление, непонимание, раздражение. Осталось лишь необъяснимое желание задержать её. Как угодно. Хоть сплясать.

– Я видел вас на службе, – сказал он. – Вы в первый раз?

Она обернулась, будто знала, что он захочет её остановить.

– Да.

– И каковы впечатления?

– Красиво. Необычно. – Она подошла ближе, обвела глазами расписной купол, побеленные стены: – А поют где-то там?

– Да. Там есть клирос.

– Почему-то не видно ни динамиков, ни микрофонов...

– С такой акустикой они не нужны, – ответил Алёша, стараясь не рассмеяться снова и отмечая про себя: «Может, ещё и светомузыку сюда?.. Оказывается, глупости могут быть забавными. И совсем не бесят...»

А девушка продолжила увлечённо:

– Надо же! Мне всё на службе понравилось. Особенно как кто-то пел. Не знаю, как это правильно называется... – псалмы?

– Каноны и тропари.

– Красиво было. Очень. – Девушка улыбнулась. – Похоже, у вас тут есть настоящий оперный певец. Я заслушалась.

Алёша склонил голову и тихо сказал:

– Спасибо.

– Это были вы?! Правда?! – Её голос прозвучал восхищённо и неожиданно громко, отдаваясь эхом под сводами храма.

Восклицание смутило, резануло слух Алёши. Не должно было беседовать здесь – ему, послушнику, с девушкой – в сенях храма, будто в каком-то клубе. Он внимательно посмотрел на неё – нет, непрощеная гостя над ним не подшучивала. Похоже, ей действительно понравилось. Алёша подтвердил коротко:

– Я.

– Потрясающе! У вас талант.

Теперь она делает ему комплименты? С чего бы? Похоже на глупую игру... «И Грэмми присваивается... послушнику Алексею Колосову! Ага, сейчас». Неловкость заставила Алёшу быстро найти ключ. Выставив его, как хоругвь, Алёша сообщил:

– Мне нужно запереть храм.

– Да, конечно. – Она помялась немного и произнесла: – Я хотела сказать... Извините, не знаю вашего имени...

– Алексей, – вставил он чуть хрипло.

– Очень приятно, – обрадовалась девушка, – а я Мария, Маша.

Алёша только кивнул в ответ.

– За калитку мне правда неудобно... Мои балбесы чересчур разбаловались, прямо детский сад – штаны на лямках.

– Бывает.

Алёша пропустил её вперед, а затем несколько раз провернул большим железным ключом в замочной скважине. Серая кошка потрусилась по безлюдной улице, над которой сгустилась бархатная синева ночи. В небе, сапфировом с востока, плавно переходящем в маренго с зеленоватыми переливами на западе, уже горела первая звезда. Жёлтые пятнышки окон местами неуверенно подсвечивали сквозь ветви садов по обе стороны улицы.

– Я пойду, – улыбнулась Маша. – Спокойной ночи!

– Всего хорошего, – с вежливой прохладой в голосе ответил он, не торопясь спускаться со ступенек лестницы. Маша легко сбежала вниз, выскользнула за калитку и скрылась в темноте. Алёша почувствовал досаду: зачем она так быстро ушла? Хотелось догнать её сейчас же. Но это было глупо. Он провёл пальцем у ворота: подрясник внезапно показался тесным. Шумно выдохнув, Алёша пошёл к калитке, защёлкнул замок и вдруг наступил на что-то. В луче фонарика ярким пятном появился красный, распластанный в дорожной пыли женский кошелёк. Изящный, новенький, с золотистыми пряжками. Алёша поднял его и, отряхнув от пыли, ласково подумал: «Маша-Маша... Растеряша». В груди снова расплылось тёплое, нежное чувство. Алёша радостно стиснул лакированный кошелёк и, не размышляя больше, побежал вверх по улице.

– Мария! Маша! – выкрикнул он. – Пойдите!

Он скоро нагнал её. Фонарик, как прожектор, издали высветил стройную фигурку. Маша обернулась и прикрыла рукой глаза от белого пучка света. Алёша подбежал к ней и протянул кошелёк:

– Вы потеряли.

– Спасибо. – Она одарила его сияющей улыбкой.

– Я провожу вас, – по-родительски строго произнёс Алёша, – а то вы ещё что-нибудь умудритесь потерять или сломать.

Маша рассмеялась:

– Не откажусь. Но я не всегда такая неловкая... Правда-правда!

Её голос и смех, колокольчиковый, искристый, как утренняя игра солнечных зайчиков на воде, нравились Алёше. У третьих ворот от развилки, увенчанных художественной ковкой, Маша остановилась:

– Мы пришли. Ещё раз спасибо!

– Будьте внимательнее, – назидательно сказал он.

Уже взявшись за ручку калитки, Маша задержалась и вдруг сообщила с надеждой в голосе:

– А нас попросили в клубе выступить завтра вечером... на открытой сцене. В девять...

– Бог в помощь, – сказал Алексей, отчаянно скрывая волнение. – Мне надо идти.

– До свидания!

Маша скрылась за калиткой. А он прошёл десять метров в сторону скита. И вернулся. Неведомо зачем. Из-за ворот слышался смех – её смех, звонкий, переливчатый. Алёша долго стоял с замирающим сердцем, подслушивая чужое веселье. В смехе Маши не было едкой насмешки, сарказма или деланого кокетства, только будничная радость человека, которого ничто не гнетёт. Со двора доносилась шутливая перепалка весёлой компании. И, несмотря на затаённую злость на недавних насмешников, послушник позавидовал им. Ему захотелось так же, как они, беззаботно смеяться над глупостями и болтать о пустяках, быть просто олухом двадцати лет

без тяжёлого прошлого за спиной, быть кем угодно – только не собой! Чувство одиночества, что казалось спасительным, душило теперь, не жалея. Алёша поторопился обратно к скиту.

* * *

В трапезной заканчивали ужин братия и трудники, дружно стуча ложками по тарелкам. Алёша сел за стол и осенил себя крестным знамением. Брат Филипп побаловал сегодня итальянским ризотто на кубанский манер, свежей выпечкой и ароматным компотом из слив. Высокий и тощий, как жердь, брат Серафим пожаловался, что переел, тошнит его и клонит в сон, на что Филипп задорно спросил: «Братушка, уж не беременный ли ты? Сходил бы к доктору». Под общий хохот православных Серафим замолчал.

Рассеянный и задумчивый, Алёша едва притронулся к еде, будто не проголодался за день. Братья говорили о чём-то рядом, но суть их беседы ускользала от Алёши – его мысли, наполненные сладко-мучительным привкусом безотчётной тревоги, витали далеко.

Подошёл отец Георгий.

– Алёша, голубчик. Как там калитка? – спросил он.

– Вкусно, я просто не голоден... – невпопад ответил Алёша.

– Прости, что?!

Алёша встряхнул головой и подскочил:

– Помилуйте, батюшка, что вы спрашивали?

– Калитку починил? – повторил вопрос игумен.

– Да-да, конечно. – Алёша протянул священнику ключ от храма: – Я всё запер.

– Хорошо, – похлопал его по плечу игумен и ещё раз внимательно посмотрел на послушника: – После трапезы заходи ко мне. Побеседуем.

Спустя десять минут Алёша негромко постучал в деревянную дверь и дёрнул за ручку, оставив на ней мокрый след от ладони.

– Можно, батюшка?

– Заходи. – Отец Георгий оторвался от бумаг на столе и снял очки: – Присаживайся.

Алёша сел на им же когда-то сколоченный стул, предчувствуя неприятности по серьёзному виду наставника.

– Что с тобой происходит, Алёша? – спросил тот. – Ты как будто не в себе.

– Всё хорошо, батюшка, – ответил Алёша и опустил голову. Его щёки горели. Он набрал воздуха и, взяв себя в руки, повторил: – Всё хорошо.

– Смотри, братец. Не должно от наставника ничего скрывать. – Отец Георгий провёл рукой по бороде: – Что ж, настало время для этого разговора. Думаю я, что тебе надо вернуться в мир. Окунуться во взрослую мирскую жизнь, может быть, завести семью, найти работу по душе. Подумай об

этом.

– Хорошо, батюшка, – нахмурившись, ответил Алёша, – подумаю.

– Видишь ли, понять, что тебе истинно нужно, нельзя, если не с чем сравнивать. Тебе несладко пришлось в детстве, знаю. Но тогда ты был ребёнком... Сейчас ты уже не растерянный мальчик. Окреп, возмужал, многое умеешь делать. А главное, у тебя есть основа – ты знаешь, что Господь всегда с тобой. В чистоте и молитве человек может не только в монастыре жить.

– Вы хотите, чтобы я ушёл? – испытующе посмотрел на игумена Алёша.

– Я блага для тебя хочу, – поправил наставник. – Стать монахом – это не то, чтобы вступить в какую-нибудь партию и выйти из неё через год. Это навсегда. А я вижу: не по тебе эта дорога. По крайней мере сейчас. И не в возрасте дело. Вон Серафиму девятнадцать, а видно, что сердцем радуется. Как рыба в воде здесь. Он иного не ищет и вряд ли искать будет.

– А я чем вам не угоден, батюшка? – поджал губы Алёша.

– Ох, братец, всем ты мне угоден, – вздохнул отец Георгий. – Век бы не отпускал. Да только не скроешь, что через силу, а не с радостью ты несёшь крест свой. Мечешься. Маешься. И не один я это замечаю. Вчера о том же беседовали мы со старцем Афанасием... Ему, сам знаешь, большее ведомо.

– Знаю.

– Так что подумай о моих словах. Хорошо подумай. Если захочешь, будешь навещать нас. Советом, всем другим, чем сможем, поможем. Посчитаешь, что совсем тебе не место в миру, вернёшься. Помолись о Божьем наставлении на сон грядущий.

– Хорошо, батюшка, – тихо сказал Алексей. – Я могу идти?

Отец Георгий улыбнулся по-доброму:

– погоди. Во вторник поедешь с отцом Никодимом в город, поможешь с покупками. В подряснике тебе неудобно будет, возьми у Никодима мирскую рубаху, брюки. У него есть что-то в подсобке. Да попроси сейчас, пока он на месте ввечеру. Завтра его не сыщешь.

– Но мы ж, наверное, к обедне не вернёмся, как же молитвенное правило?

– Ничего. У тебя послушание – отцу Никодиму помогать. Это важнее.

– Спасибо, батюшка. Благословите, – склонил голову Алёша и поцеловал благословляющую его руку.

Глава 12

Танец со звездой

Утренний воздух касался прохладными губами порозовевших щёк и озябших пальцев. Поджав ноги и завернувшись в кашемировый палантин, Маша сидела за столом беседки и выводила фантазийными буквами на салфетке: «Алёша, Алёшенька, Алекс». «Хорошее имя – может быть совсем разным, как и его хозяин!» – подумала она. Мечтательно вздыхая и рассматривая выведенные на рыхлой бумаге завитушки, Маша не заметила, как сзади тихонько подкрался Юра и заглянул ей через плечо.

– Что ещё за Алекс? – недовольно бросил он.

Маша быстро закрыла ладонью салфетку и фыркнула:

– Тебя не касается! Терпеть не могу, когда подглядывают!

Юра нахмурился:

– Да-да, сорри, забыл – тебя прёт, только когда из зарослей психи всякие пелятся...

– Я уже говорила: хватит прикалываться по его поводу, – процедила Маша.

– Так вот кто у нас Алекс! – вскинул брови Юра. – А ты уже имечко узнала. Оперативненько! – Юра ткнул пальцем в салфетку: – Только неполный комплект получается: ты забыла дописать: брат Олексий – монах-придурок.

– Сам придурок! Задолбал уже! Иди, куда шёл! – вспыли-

ла Маша и, сжала салфетку в руке.

– Ути... какие мы нервные, – безрадостно усмехнулся Юрка.

На крики показались сонные ребята:

– Вы чего разорались с утра пораньше? Что тут такое? Потихе нельзя? Кто куда идёт?

– Уже никто и никуда, – буркнул Юра и с показным равнодушием вернулся в домик.

Когда все собрались за завтраком, между Юрой и Машей повисла неприятная пауза.

Никита показался, как всегда, к столу, но, учуяв запах ссоры, быстро ретировался подобиру-поздорову, стянув лишь пару булочек и бутерброд с сыром. Катя, Вика и Антон болтали о пустяках, а Юра просто молчал и насупленно дул щёки. Прошёл час, другой. Никто не начинал репетировать номера к вечернему концерту. И хотя Маша продолжала сердиться, ей было как-то не по себе от хмурого лица друга и долгого отсутствия шуток.

Юра прошёл в душ, снова не взглянув на Машу. Он звякнул щекоткой изнутри. Маша приблизилась к деревянной постройке и крикнула сквозь щель в стене:

– Слышь, приколист! На обиженных воду возят!

Он не откликнулся. Из-за стены слышался только плеск воды. Маша не отстала:

– А я скажу Лидии Семёновне, чтоб она от водопровода отказалась. Зачем деньги платить, когда такой надутый гусь

даром пропадает...

Маша прислушалась – плескаться Юра перестал, но в ответ – ни слова. Она насупилась:

– Ну и ну тебя!

В этот момент дверца распахнулась, и Юрка со всей высоты своего роста опрокинул на Машу полный таз с холодной водой:

– Кто тут водоноса заказывал? – ехидно захихикал он, явно наслаждаясь Машиным визгом.

– Ах, ты ж! – всплеснула руками она и принялась колотить его по спине. Он выставил вперёд зелёный пластиковый таз, защищаясь им будто щитом, и притворно ойкал, когда ловкий Машин кулачок попадал по голому торсу. Шум дружеской потасовки отвлёк Антона, Вику и Катю от просмотра очередного хоррора. Антон подключился, ни секунды не колеблясь. Он открыл вентиль шланга и принялся поливать всех подряд.

Вику и Катю тоже уговаривать не надо было – они выскочили из-под беседки, и в ход пошли шланги, тазы, лейки. Вскоре устланный тротуарной плиткой двор Семёновны покрылся лужами, а водное побоище превратило танцоров в участников конкурса мокрых маек. Все хохотали до упаду. Маша радовалась: лёд раскололся, наступили паводки.

Придерживая занавеску в кухне хозяйского дома, муж Семёновны, раззявив рот, поедал глазами трёх красоток, облепленных мокрой одеждой. Его главной печалью в тот мо-

мент было отсутствие батареек в видеокамере.

Вдруг в калитку постучали. Из-за железной двери выглянула белобрысая девчонка. Её вздёрнутый носик с любопытством потянулся к артистам, мокрым, как куры в дождь. Девчонка замерла, расцветая улыбкой при виде Маши:

– Здравсте снова.

– Привет, забегай, – приветливо махнула ей Маша. – Ты что хотела?

– Завклуба, Святозар, попросил уточнить, вы не передумали выступать? – шмыгнула носом девчонка, глядя во все глаза на Антона, будто это был первый темнокожий человек, которого она видела живьём.

Катя подмигнула посланнице и весело пробасила:

– Не передумали. Мы за любой кипишь, кроме голодовки.

– Только под нашу музыку, – строго вставил Антон, – я под всякие «тыч-тыч» танцевать не намерен.

Маша сложила руки перед ним:

– О, Солнцеподобный! Король сцены и падишах танцев! Да будет вам известно, что флешка с композициями уже в радиорубке.

– Тогда ладно, – осклабился Антон.

Катя спросила у девчонки:

– Пообедаешь с нами?

– Не-а, – гостья снова шмыгнула носом, – мне к Святозару надо. Он один не справится!

– А-а, ну конечно, – улыбнулась Катя, – беги!

Когда белобрысое чудо удалилось, Маша спросила:

– Что танцуем?

– Да что хошь, – ответил Юрка, – только без поддержек – я на отдыхе, а вы вон как разъелись на хозяйских ватрушках.

– Ой-ёй-ёй, – хохотнула Маша, – бедня-я-яжечка! Работать мальчика заставили... У самого вон пузо уже!

– Где?! – испугался он.

Все прыснули, и Юрка тоже, тщетно пытаясь изобразить обиженную мину.

Обсудив спонтанную программу из пяти номеров, ребята решили выступать просто: в голубых джинсах, белых футболках и босиком – универсальная одежда на все случаи жизни. Благо проверенная заранее сцена, сколоченная к празднику, это позволяла.

Не признаваясь никому, Маша волновалась, как перед первым кастингом, уговаривая себя, что Алёша не придёт – ни за что не придёт. Если монахам мирскую музыку слушать нельзя, что говорить о танцах? Но как бы невзначай Маша предлагала номера поскромнее – без эротических страстей, и заявила, что станцует напоследок сольную композицию – «Влюблённую». Её она недавно придумала сама на элегантно-нежную, полную философского смысла песню Джорджа Майкла «Like Jesus to a Child». Уверенная, что Алёша прекрасно понимает английский, Маша смутно надеялась удивить его выбором музыки и утончённостью танца. И тут же говорила себе: какая разница, он не придёт! А сердце всё-

таким ждало...

* * *

Вместе с тёмным одеянием ночи на станицу снова опустилась прохлада. Перед открытой клубной сценой толпилась молодёжь, одетая по последней станичной моде. Жители постарше тоже пришли поглазеть на праздник. Поодаль бабы, щёлкая семечки, балакали о том о сём, приправляя беседу досужими сплетнями. Туристы и местные, девчонки, хлопчики и даже малышня, снующая под ногами, пребывали в сладостном чувстве ожидания. Кто-то обсуждал, что, мол, хлипкую иллюминацию повесил Святозар над сценой – того и гляди грохнется. Кто-то хвастал перед соседями: «А мой-то, мой целый месяц в клубе репетировал, все ноги истёр! Куда уж лучше кому!», а электрик, чувствуя недостаток хмелька для энтузиазма, бурчал: «Как пить дать свет отключат. Как пить дать!»

Костя, владелец центрального магазинчика, обязал работать за выносным столом продавщицу, тетю Зину. И она, обливаясь потом, несмотря на вечернюю свежесть, еле успевала выдавать шоколадки, батончики, жвачки и всякую всячину в обмен на монетки и купюры. Костя довольно поглядывал на цветущий бизнес, чувствуя себя не хуже, чем единственный продавец пива и хот-догов перед бразильским футбольным стадионом. Никита с подхипованной девчонкой,

увешанной амулетами, тусовался возле москвичей, важный, словно толмач турецкого султана.

Маша подивилась количеству желающих посмотреть на их творчество. Начался концерт, и ребята зажгли на сцене так, как не выступали в лучших концертных залах страны, танцуя с удовольствием, и с ещё большим удовольствием срывая гром аплодисментов. Пару номеров пришлось повторить под громкое скандирование: «Ещё! Ещё!» и зычное, подгулявшее «Ура-а-а!» со стороны заброшенного вагона.

Наконец зазвучала лиричная песня Джорджа Майкла – последняя в списке. Маша вышла на сцену, сменив перед выходом майку на развевающийся белый хитон. Она снова обвела взглядом лица, едва различимые в темноте. Не увидев Алёшу, Маша всё же танцевала для него, кружилась в танце, стараясь вложить в движения то светлое, что было сейчас в душе. Податливое, гибкое тело чувствовало звуки, словно было их частью, струной гитары, клавишей фортепиано. Сливаясь с музыкой, Маша то подлетала в балетном прыжке, то кружилась в невообразимых па. Распущенные огненные волосы продолжали каждое движение игрой пружинящих локонов. Руки порхали, как крылья бабочки, извивались в восточном орнаменте, отсчитывали такт и снова взлетали. Это было красиво. Это было естественно. До приятной дрожи, до мурашек по спине.

Мелодия замолкла, и Маша склонилась в глубоком поклоне перед публикой. Под шумный восторг зрителей Маша

скрылась в условном закулисье. «Ну, ты, мать, дала! – шепнул восхищённо Юрка. – Энергетика супер!» Подбежал низкорослый организатор, Святозар, и рассыпался мелким бисером комплиментов, не зная, целовать ли танцовщице руки или сжать в объятиях из чувства признательности. Он ещё бормотал, что будут конкурсы, а кто выиграет, сможет танцевать с многоуважаемыми артистами, если те, конечно, не против, хотя в афишах они уже про это написали...

Маше не терпелось поскорее вырваться из толпы. Дежурно улыбаясь, она кивала и пятилась, пока не нырнула в темноту за клубом. Маша обошла огромные ели, они касались большими лапами земли, будто бояре рукавами до полу, и шептали что-то ветру. Тот задул сильнее, вынудив «бояр» склонить перед небом остроконечные шапки. Маша зябко обхватила себя руками.

– Я не думал, что это так, – вдруг послышался голос, и Маша вздрогнула от неожиданности. Из тени вышел Алексей: в обычной рубашке, брюках. Без скуфьи на голове его облик утратил религиозную неприступность – копна светлых волос, которую, он, очевидно, пытался расчесать, оставалась художественно-непослушной.

– Как «так»? – спросила Маша, робея.

– Красиво. Ваш танец...

– Я рада, что вам понравилось, – расцвела она.

– Понравилось – слишком примитивное определение, – заметил Алёша, – хотя вполне можно и им ограничиться...

– Вас отпустили с работы? – осторожно спросила Маша.

– Солнце зашло, негров с плантациям отпустили... – с лёгкой иронией ответил Алёша и добавил: – Просто воскресенье. И нам тоже положен отдых.

По другую сторону ёлей слышались голоса Юры и Антона. Маша, удивляясь собственной смелости, схватила Алексея за руку и потянула к реке:

– Уйдём.

– Неплохо бы, – вдруг широко улыбнулся он, – а то ваши друзья опять с радостью предложат свои услуги. Обойдусь и без них.

Маша изумлённо оглянулась на своего спутника:

– Вы узнали их голоса?

– У меня хорошая память на звуки. У кого-то на лица, а у меня на звуки. Однажды услышав голос, я буду помнить его всегда.

Проскользнув по узкой улочке к реке, они замедлили шаг и вскоре оказались на усыпанном галькой и булыжником берегу. Маша отпустила ладонь Алексея. Рядом виднелось чёрное пятно костра – ещё недавно она с друзьями бесилась тут как сумасшедшая, не задумываясь о том, что кто-то назвал бы её поведение непристойным. К счастью, этого не видел Алексей.

Он остановился, задумчиво разглядывая реку:

– Вы интересную песню выбрали для выступления...

– Вам тоже нравится Джордж Майкл?

– Она в некотором роде стала для меня знаменательной, – тихо сказал он и замолчал.

Маша заговорила сама:

– Я никогда не думала, что послушник скита в таком удалении от цивилизации может знать английский.

Он усмехнулся:

– Но я же не из лесу в скит попал.

– А я этого не знаю. Может быть, вас и правда нашли в лесу, как Маугли, а может, вы – потомственный олигарх, – кокетливо улыбнулась Маша. – О вас я знаю очень мало: что вы умеете чинить калитки, запоминаете звуки, любите музыку и запрещаете себе её слушать...

– Не совсем, я пою на клиросе. – Он стал серьёзным.

У Маши разгорелись глаза:

– А вы учились петь в музыкальной школе? Училище?

– Нет. Самоучка.

– У вас – талант.

– У нас с вами выходит, как в той басне, – хмыкнул он, – я хвалю вас, вы – меня. Давайте на этом остановимся, не то кому-то из нас придётся прокуковать, а кому-то закукарекать...

– Хорошо, – согласилась Маша.

Ей казалось, что этой встречи под звёздами быть просто не может, и она спит, счастливая, чувствуя, что вот-вот проснётся. Не веря в реальность происходящего, она осмелела:

– Тогда спойте что-нибудь!

– Спеть? – удивился он.

– Ага. То, что любите больше всего: оперу, каноны ваши или рок? Что хотите!

Он смутился и закусил губу:

– Для всех я пою только на службах.

– А для себя?

– Ну...

– А для меня? – Маша присела на сухое дерево, желая не стеснять Алёшу.

Он помялся немного, но потом решился:

– Тогда вот это. Акустика гор, эхо, шум реки будут кстати, вместо аккомпанемента.

Маша подтянула к себе колени, с интересом наблюдая, как он собирается с духом. И вот, запрокинув голову к небу и прикрыв глаза, Алёша проникновенно запел: *There's no time for us, there's no place for us...*

Маша узнала песню Queen. Глаз невозможно было оторвать от его фигуры. Алёша преобразился, то аккуратно, то щедро даря ноты пространству, будто перед ним были не речушка и лес, а грандиозный, многотысячный стадион, а Маша – зритель VIP-трибуны перед сценой. «Who wants to live forever?» – лился его голос в ночь, окружая Машу музыкальной магией вибрато и мелизмов. Она была абсолютно счастлива. Алексей закончил петь. Выдержав паузу, он открыл глаза и смутился:

– Как-то так.

Благодаря этому спонтанному, пронизанному искренностью пению, барьер между ними растаял и стёк крупными каплями, как сюрреалистические часы на картине Дали. Маша приблизилась к Алёше.

– Вы правы, «понравилось» – слишком примитивное слово. Это потрясающе! Я просто как одна сплошная мурашка. Вам нужно петь на большой сцене, на стадионе. Не зарывайте свой талант! Это преступление!

Откуда-то издалека, из центра станицы донеслись звуки медленной песни. Маша взглянула в глаза Алёше:

– А знаете, сегодня объявили конкурс – победитель выступлений танцует со звездой. – Она осторожно, едва касаясь, положила руки ему на плечи и шепнула: – Я думаю, что вы – победитель. Но я совсем не звезда, просто неплохо танцую. Зато над нами одни звёзды... гляди...

Он послушно взглянул вверх, а потом посмотрел на её лицо очарованно, будто она возникла перед ним только что – по волшебству. Его влажные горячие пальцы робко коснулись девичьих кистей, словно он хотел снять их с плеч, но не сумел.

Заслышав приближающиеся к реке голоса, Маша решила не терять времени. Она подтянулась на носочках и нежно коснулась губами его тёплых, трепещущих губ, лишь на секунду почувствовав сладость. Его глаза затуманились, но она отпрянула, откладывая на потом блаженство настоящего

поцелуя.

– Маша... Вы... – выдохнул Алёша.

– Тебе надо идти, – вдруг сказала она.

– Да-да, – взволнованно пробормотал он.

– Иди же, – твёрже сказала Маша. – Ребята уже близко.

Иди.

Он растерянно взглянул на неё, а потом нехотя направился к скиту по самой кромке реки, перепрыгивая через камни, незамеченный теми, кто с радостными возгласами и шумом приближался к берегу.

* * *

Чувствуя себя счастливым дураком, Алёша не шёл, он бежал к скиту, не понимая, радоваться ему или, напротив, запереть за семью замками сердце, прыгающее сотней довольных лягушат в груди. Что стоит Маше растоптать его своей маленькой ножкой?..

Глава 13

Клипмейкеры

По колдобинам дороги, ведущей от перевала, осторожно пробирались два серебристых фургона Нумег. Солнце блесело на огромных лобовых стёклах и почти зеркальных, отполированных боках автокемперов. Погружённая в романтические мысли, Маша возвращалась с ранней прогулки к дому Семёновны. Эти длинные странные «дома на колёсах» смотрелись совершенно неуместно на улице меж хибарок, будто самолёт, приземлившийся по нелепой оплошности пилота вместо взлётной полосы в Шереметьево на трассу Москва – Воронеж, причём ближе к Воронежу.

Но автомобили направлялись прямо к Маше и вскоре притормозили возле голубых металлических ворот. Залесские мальчишки сбежались сразу же, словно у них существовал какой-то особый способ извещения о прибытии неопознанных объектов.

Пассажирская дверь первого автокемпера отворилась, и на землю прыгнул худой невысокий мужчина в соломенной шляпе с полями, заломленными на ковбойский манер. Чёрная футболка с надписью «Я здесь Босс» и тёртые дизайнерские джинсы сидели на нём мешковато. Маша сразу узнала вытянутое лицо, поросшее щетиной, с торчащим из-под солнцезащитных очков мясистым носом. Это был режиссёр

Юнус Расулмухамедов, великий и непревзойдённый мастер клипов для столичной попсы и не только.

Вслед за режиссёром вся съёмочная группа, уставшая от ухабистой дороги, вывалилась из кемперов. Разминая ноги, люди поглядывали на станичный пейзаж, кто с равнодушием, кто с любопытством. «Какие вчерашние, домашние лица», – вдруг вспомнилась Маше фраза из «Обыкновенного чуда». Но тут из толпы показалась улыбающаяся во весь рот рыжебородая физиономия Лёни Вильберга. Он весело заорал:

– Маруся! Ба! Кого я вижу? Душа моя!

– Привет, – улыбнулась ему Маша и покорно сдалась в экспрессивные дружеские объятия.

– Тебя тут не засватали ещё? – подмигнул Лёня.

– Не-а.

– Мария, тебя не узнать! – подошёл режиссёр. – Ты какая-то другая.

– Доброе утро, – сдержанно улыбнулась Маша.

– Кому и доброе, – буркнул режиссёр. – Но точно не для Леонида, я его задушу собственными руками – припёр нас в такую глухомань!

– Да ладно, Юнус! Сам же видел всё на записи. Как будем на месте, ты мне ещё приплатишь за красоту и дешевизну. Если б на Корсику отправились, пришлось бы в десять раз больше выложить.

Режиссёр скептически взглянул на оператора:

– За мою задницу, пострадавшую на этих кочках, приплачивать будешь ты. Это точно. Впрочем, нечего лясы точить. Мария, запрыгивай в мой кемпер.

– Сейчас, я переоденусь и ребят предупрежу, – замешкалась Маша.

– Переодеваться не надо, костюмер с собой взяла всё, – сказал режиссёр. – Давай, одна нога здесь, другая там.

Вернувшись с походной сумкой на плече, Маша пристроилась возле Лёни.

– Вы чего на день раньше заявили? – шёпотом спросила она.

– Юнус так решил, чтоб наверняка успеть. Марку в среду край надо в Нью-Йорк вылетать. Уж не знаю, что там за спешка такая...

– А сам Марк где?

– Их величество прилетит на вертолёте с минуты на минуту, – хмыкнул Лёня и добавил: – На самом деле у него вчера концерт был в Краснодаре, и какая-то местная шишка пообещала доставить «лучезарного» на вертолёте, дабы оне не отбили себе на перевале причинные места. Больно уж на эти места заглядывалась дочка тамошнего главы.

– Звезда-а, – с придыханием произнесла Маша.

– А то, – поднял глаза к небу Лёня, и ребята расхохотались.

Через четверть часа толпа клипмейкеров высыпала на просторную зелёную лужайку, раскинувшуюся у подножия скалы. С каменной стены с брызгами и лёгким шумом струилась вода, убегая затем из окружённой пышной растительностью заводи дальше к долине. Утреннее солнце искрилось золотом на серо-голубых волнах, играло на листьях деревьев, превращая в бриллианты крупные капли на траве. Неподалёку виднелась живописная полуразрушенная лачужка, её стены были сложены из неровных речных камней, остатки кровли прятались под раскидистой яблоней. Лёня радостно, как молодой орангутанг, размахивал волосатыми руками перед лицом режиссёра:

– Гляди, Юнус! Водопадик, а? Прелесть, скажи? А вон лесочек? Райские кущи! А сама полянка – травинка к травинке! А ты Корсику хотел... Ну, скажи, скажи!

– М-да... – подтвердил режиссёр, важно оглядывая окрестности, – ничего так. Вполне.

И тут лирическую идиллию пейзажа нарушил приземистый крепыш неопределённого возраста в длинной рубаше и широких штанах. Невозмутимый, как Будда, он гнал стадо коз прямо на съёмочную группу.

– Это ещё что? – указал пальцем режиссёр.

Лёня на секунду замер, а потом с округлёнными от возму-

щения глазами побежал к пастуху, неистово жестикулируя и вопя:

– Куда?! Куда? Сюда нельзя, здесь съёмки. Нельзя! Давай отсюда!

Мужичок остановился. Ему, похоже, было всё равно, но для проформы он возразил:

– Та я из скита... коз пасти.

– Паси их, дорогой, где угодно, только не здесь! У нас арендовано, – заявил Лёня, уткнув руки в боки.

– Та я ничо. Низя и низя. – Пастух пожал плечами и попробовал направить стадо с лужайки.

Но в этот момент с неба послышался громкий шум. Козы пустились врассыпную. Люди задрали головы. Маленький, похожий на глазастую стрекозу вертолёт выискивал место для посадки. Наконец, пилот пристроил машину на отдалённом пятачке. Вращающиеся всё медленнее лопасти стали различимы и скоро остановились совсем. Дверца распахнулась, и народу явился Марк Далан, статный черногривый мачо – звезда и любимец женщин. Он спрыгнул на траву и грациозно приблизился к режиссёру, сверкая белозубой улыбкой:

– Приве-ет, Юнус! Оригинальности тебе не занимать! Будем снимать клип про меня и коз?

Лёня прыснул, но сразу же замолчал, прикрыв губы рукой, а режиссёр, не теряя достоинства, сказал:

– И тебе привет, дорогой! А это мысль... хотя козочка у

нас совсем другая. – Он поманил Машу к себе и добавил, обращаясь к певцу: – Мария. Помнишь её на кастинге?

Марк Далан с интересом взглянул на девушку:

– Как не помнить? – И подмигнул ей: – Привет. Будешь моей большой экранной любовью?

– В рамках сценария, – ответила Маша.

* * *

Справившись наконец с козами, съёмочная бригада взялась за работу. Двое помощников режиссёра в чёрных шортах и шведках, одинаковые, как «двое из ларца», принялись колдовать над дверцей пустого сарайчика. До Машиных ушей донеслись звуки дрели, но их почти сразу заглушила музыка – песня Марка Далана, на которую и должен был сниматься клип. «Только одну ночь, до утра ты моя...» – пел приятный голос из огромных динамиков, создавая соответствующую атмосферу на поляне. Маша невольно заметила, что Далану до Алексея далеко. И надо же – тот поёт в крошечной церкви, а этот мегапопулярен. Парадокс.

В одном из автокемперов Маша сидела в кресле перед большим, встроенным в стену зеркалом, отдав лицо во власть гримера Эллы – полной женщины лет пятидесяти. Краем глаза Маша видела, как за окном кемпера Марк и Юнус обсуждают что-то, напевают, отсчитывая пальцами такт мелодии. Потом увлечённо повествуя, как всё будет

происходить, режиссёр указывал то на водопад, то на зелёные заросли, то на хибарку. Марк постоянно кивал, слегка покачиваясь под ритм собственной песни.

– Ну, вот и всё, – сказала Элла.

Маша встала и взглянула на себя в зеркало. Сарафан был вызывающе откровенным. Прихваченная атласной лентой прямо под грудью тонкая алая материя разлеталась книзу сборками коротенькой юбки. «На ткани тоже сэкономили», – подумала Маша. По обнажённым рукам и плечам струились локоны рыжих волос, ниспадая до бедер. Умелой рукой гримёр подчеркнула черты её лица, зная, что такой, на первый взгляд, яркий макияж в итоге на записи будет смотреться совершенно естественным. Костюмер прикладывала к груди Маши то одно украшение, то другое и наконец остановилась на напоминающей золотой амулет тяжёлой подвеске с литыми переплетениями и вкраплениями гранатов:

– Эротично смотрится на смуглой коже, да?

– Таис Афинская и Суламифь в одном флаконе, – отозвалась Элла, оценивающе рассматривая Машу.

Марк заглянул в кемпер:

– Девушки, когда за меня возьмётесь?

– Заходите, пожалуйста, мы уже закончили, – любезно ответила ему Элла и показала рукой на Машу: – Ну как, хорошо?

Марк оценивающе посмотрел на партнёршу, и его глаза заблестели:

– Богиня!

– Спасибо, – скромно улыбнулась Маша и пошла к выходу.

Проходя, Марк коснулся её руки и с хитрым прищуром добавил:

– Кажется, эти съёмки будут для меня особенно приятными.

И Маше захотелось, чтобы всё сразу закончилось. Не потому, что он был ей противен – душа запротестовала, будто делала она что-то не так и не то.

Но контракт есть контракт. Здесь она не только танцовщица, но ещё и актриса, которая должна играть любовь. Кому какое дело до её желаний, вон сколько народу собралось и сколько уже денег потрачено.

Маша продолжала убеждать себя, пока Юнус, провожая её к кустам самшита, подробно разъяснял, что ей надо делать:

– Песню слышала, да? Здесь ты – соблазнительница, – говорил он. – Марк должен тебя захотеть. Но для тебя эти отношения – только игра, и ты знаешь, что завтра утром вы расстанетесь. Тебе не важно, что он чувствует. Пусть страдает, ты с ним играешь. Поняла?

Маша кивнула, с тоской глядя на водопад:

– А обязательно мне там купаться? Вода же холодная...

– Обязательно. Потом согреем.

Из кемпера вышел певец в узких светлых джинсах и та-

кой же рубашке, расстёгнутой почти до пупа – так что были видны тёмные волосы на накачанной, выпирающей груди. На голове Марку изобразили тщательно продуманный, лирический беспорядок. Маша, глядя на него, с нарастающим унынием подумала: «Экий brutальный самец. Вику бы на моё место. Эх, раньше надо было предложить...»

– Освещение нужно пошло! Марк! Мария! Все по местам. Ловим момент! – внезапно закричал режиссёр, хлопая в ладоши.

Лёня Вильберг с огромной камерой на плече подбежал к Маше и встал на колено в паре метров от неё. Все замерли на секунду, Юнус посмотрел в монитор и скомандовал:

– Поехали! Мотор!

Маша взяла себя в руки и медленной походкой пошла из кустов навстречу оператору.

– Так-так, умничка, смотри в камеру, – бормотал Юнус.

Маша кокетливо улыбнулась зенице объектива и играючи поправила волосы.

– Стоп, – крикнул режиссёр, – молодец! Так, да. Только давай грациознее, как пума перед прыжком. Ты его соблазняешь...

Выкрики «Мотор» и «Стоп. Снято» чередовались, как в калейдоскопе. Сцены снимались одна за другой. Режиссёр торопился, поглядывая то на солнце, то в мониторы: «Свет... Хорошо пока». Его ковбойская шляпа съехала на затылок, а на щетине под носом проступили капли пота.

Вскоре после небольшого перерыва в центре лужайки «вырос» большой квадратный навес, похожий на белый парус, пойманный в металлические силки. «Двое из ларца», как прозвала про себя Маша помощников, придерживали стойки тента с двух сторон.

– Так, ребята. Ложимся, – приказал режиссёр, и Маша обрадовалась возможности полежать немного, уже устала от непрерывно повторяющихся движений танца в доброй сотне кадров на самой жаре.

Марк, видимо, тоже с готовностью улёгся на траву и предložил:

– Юнус, а может, вы поснимаете, как мы тут спим, а? Сил нет...

– Ещё немножко потерпи, сейчас эту сценку закончим и перерыв, – уговаривал его режиссёр.

– Гитлер, – буркнул певец, и они с Машей засмеялись.

Маша добавила:

– А мне бы в душ...

– В следующей сцене как раз будешь купаться в водопаде, – совсем не так ласково, как звезде, ответил режиссёр и юркнул под чёрный плотный тент. Там уже прятался от палящего солнца Лёня с помощником. Из-под наклонного щита сидящей на траве Маше был виден только огромный объектив камеры да чёрные кофры, по бокам обклеенные цветными ярлычками. Судя по положению объектива, можно было догадаться, что Лёня целится камерой на Марка и Машу, ле-

жа, как снайпер.

Юнус принялся конструировать их позы, проверяя, как они смотрятся на мониторе, а затем распоряжаясь:

– Марк, облокотись левой рукой о землю. Ага, так.

– Мне неудобно! – закапризничал певец.

– Ну, дорогой, так красивенько... Потом сам благодарить будешь. Ладно, повернись немного. Да, тормози. Вот так чудненько. Маша! Ложись на Марка. Ну что ты разлеглась на нём, как на матрасе?! Давай-ка изогнись посексуальнее. Ты же танцовщица, а не мешок с песком! С живота на бёдра его, на бёдра сползи. Вот. Теперь умница... Лежим, потом целуемся. Все всё помнят? И-и... поехали. Мотор!

По команде Маша в который раз загадочно посмотрела на Марка с полуулыбкой и томной поволокой в глазах. Марк стал водить пальцами по её плечам и спине, затем притянул партнёршу к себе и поцеловал. Прикрыв глаза, Маша ощутила его влажные, тёплые губы и язык. Казалось, Марк увлёкся и целовал её совсем не ради картинки перед камерой. Страсть была не наигранной, а настоящей. Маша подавалась назад, но он не отпустил. Тяжёлые руки ласкали плечи и волосы, беззастенчиво бродили по телу, проникали под платье. Её мутило от этих прикосновений, и внутри всё сжималось, но она продолжала подыгрывать ему, с нетерпением ожидая, когда всё это закончится, повторяя про себя: «Это работа. Это работа. Это работа. Сама подписалась. Дура...»

– Стоп. Снято, – заорал наконец Юнус, но Марк оторвался

не сразу.

Маша отстранилась, чувствуя, что её сейчас стошнит, а певец шепнул:

– Какая сладкая.

Она резко поднялась с травы:

– Всё в рамках сценария, не забыл?

– А ты занятная, – заметил Марк.

Маша лишь пожала плечами и напоказ вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Молодцы, ребята! Сыграли просто супер! – довольно анонсировал режиссёр и добавил к большому облегчению Маши: – Дублировать не будем.

Но Марк подошел к монитору и, особо не рассматривая запись, спокойно заявил:

– Я ужасно получился. Давай ещё разок.

Глава 14

Страсти по митрополиту

Понедельник у отца Георгия выдался беспокойным. После утреннего правила, не успев он вернуться к себе, позвонил сам митрополит Екатеринодарский Тихон, сообщив, что сегодня во второй половине дня намеревается посетить Святодухов скит, посмотреть, как живут насельники, благословить дела их и прочее, и прочее.

Отец Георгий положил трубку и перекрестился с озадаченным видом. В такую даль ни епископ, ни другие высокие чины не заезжали, а значит, новости будут либо очень плохими, либо очень хорошими. Один Господь ведает, чего ожидать.

– С Божьей помощью примем митрополита, – сказал утешительно брат Филипп. – Что переживать? У нас всё ладно.

– Надеюсь. Хотя здесь что-то не... – задумчиво заговорил отец Георгий, но не успел закончить мысль, как окрестности сотрясла громкая музыка. «Только одну ночь, до утра ты моя. Только одну ночь...», – раздавались издали слова.

– Иисусе Христе, что это? – пробормотал батюшка.

– Туристы, наверное, – предположил Филипп.

– Как-то не бывало ещё столь громко и столь близко, – заметил настоятель. – Обычно даже у неверующих такта хватает.

Небыстрая, но ритмичная песня проиграла несколько раз так, что скитская братия успела запомнить припев и нехитрые куплеты. Хотел уже отец Георгий послать кого-нибудь из братьев посмотреть, кто нарушает покой насельников, как музыка внезапно оборвалась. Вздохнув с облегчением, настоятель велел братьям Серафиму и Иову оставить послушания, дабы заняться уборкой двора перед церковью и трапезной. Созвав собрание, батюшка распорядился, чтобы послушники и иноки к обеду до блеска вычистили свои каливы и близлежащую территорию.

Брат Филипп тихонько спросил его:

– Отец Георгий, вроде у нас и так чисто, не перегибаешь ли ты палку?

– Поверь мне, Филипп, начальствующие лица любят, когда их встречают, как подобает: будь то хоть генерал в армии, хоть епископ в епархии, – заметил игумен, вспомнив свою бытность майором внутренних войск.

– Уж не забыл ли ты, батюшка, зачем от мира ушёл? – с лёгкой укоризной в голосе произнёс брат Филипп. – Вряд ли ты выслуживаться собирался...

– Не забыл и не собираюсь, – отрезал отец Георгий, – но коли меня проверять едут, во вверенном мне месте всё должно быть идеально.

– Раз так, Бог в помощь! – вздохнул брат Филипп.

Отец Георгий ринулся вон из трапезной, а окрестности вновь сотрясла та же песня. «Этого только не хватало!» –

всплеснул руками батюшка и, поразмыслив немного, решил лично отправиться к водопаду, посмотреть, что же такое там творится. Он шёл по дороге, сетуя про себя: «Так хорошо мы жили, Господи! Тихо, славно. Ужель я провинился в чем-то? Или ты испытания мне решил послать? Как на грех, митрополит к нам едет, а тут это... Помилуй мя, Господи, помилуй. Вспоможи мне разобраться со всем: не ради личного блага, а ради братьев моих, ради скита нашего. Ох, помоги, Господи!»

Прямо перед поворотом к скале отец Георгий заметил Алёшу. Тот спускался по тропинке с гор – в каждой руке по ведру, доверху наполненному продолговатыми, кроваво-красными ягодами кизила. Из кармана подрясника свисал конец серой верёвки.

– Алёша! Пойдём со мной, – решил вдруг настоятель. Он понял, что не знает, сколько человек и какого сорта встретятся ему возле водопада, и, наверное, лучше, если он будет не один.

– Конечно, батюшка.

– Вёдра оставь. На обратном пути подберём.

Погружённый в раздумья, отец Георгий не заметил, как изменилось сегодня лицо Алёши. Обычно сумрачное, оно посветлело, и даже морщинка меж бровями разгладилась, взгляд послушника стал по-мальчишески мечтательным, витающим в небесах.

Со вчерашнего вечера Алёша не переставал думать о Ма-

ше, о её словах, её таланте, то с жаром благодаря Господа, то моля о прощении за свои порывы. Но какое счастье было петь так громко, открыто! Пусть «запрещённую» песню, но любимую. И горы эхом вторили каждому звуку, как будто понимали его самого, его суть, как лучший бэк-вокал на свете. Впервые Алёша почувствовал себя такого, какого, пожалуй, и не знал ещё. Рад был бы узнать, хотя, может, и не готов.

И всё потому что она, Маша, захотела этого... Улыбкой сняла все запреты. Что за сила в женщине делать так? Сладкое до блаженства прикосновение губ, Машино тепло, нежность. Её деликатность. Невозможно, нереально. И всё-таки это было! Алёша вдруг признался себе – он любит её! Без всяких сомнений!

Он уже засыпал, когда подсознание подарило ему восхитительное воспоминание из детства: ему года три, в большой комнате в темноте стоит ёлка, пахнет хвоей и мандаринами, дверь детской открыта, и Алёша видит блестящие бока новогодних игрушек, что даже ночью ловят свет и превращаются в волшебных светлячков. И вдруг перед ним возникает лицо мамы, на много лет вытертое из памяти. Мама была с ним нежной, ласковой... Как Маша. Или Маша, как мама. Алёше почудилось, что мама, сотканная из радужных нитей, поцеловала его в лоб и погладила по голове. Он крепко уснул, обнимая подушку, успокоенный и просветлённый, в предвкушении чего-то нового, обязательно хорошего.

Во сне Алёша летал высоко над синими горами, над лесом, над пихтами, распахнув руки, словно птица. А когда встал, как обычно, в пять утра, от переполняющей сердце радости показалось, что не проснулся он только что, а родился заново – так хорошо, так ладно было на душе, так необъяснимо счастливо.

В лесу, когда Алёша собирал ягоды в кизильнике, подвесив ведро, как лукошко, на верёвку, чтоб руки освободить, на ум пришла незатейливая песенка из «Бременских музыкантов». Оглянувшись, нет ли кого рядом, он стал петь её громко, с большим удовольствием, а потом ещё одну и ещё... вспомнился старый добрый Бон Джови, Кипелов и даже Виктор Цой. Работа спорилась – два полных ведра набрал доверху как никогда быстро. Отвязывая по привычке верёвку с ручки ведра, Алёша понял: он скажет батюшке, что хочет жить самостоятельно. Он готов. Он решился.

* * *

Настоятель и послушник обогнули скалу, за которой по правую сторону простирались скитские огороды, а по левую – поляна с водопадом.

Перед глазами отца Георгия и Алёши развернулась совершенно неожиданная картина. На небольшом пятачке за лужайкой стоял белый вертолёт с синими и красными полосами на бортах. Чуть поодаль, возле двух серебристых фур-

гонов сидело несколько человек в шезлонгах, а на переднем плане под белым наклонным навесом, стойки которого держали парни в чёрных летних костюмах, лежали на траве мужчина и женщина. Мужчина одной рукой прижимал к себе её голову, запустив пальцы в блестящие терракотовым шёлком волосы, другой – безобразно лапал грудь, живот, бёдра, задира л короткий красный подол и тискал ягодичи. Она не отвечала ему страстью, вяло подчинялась, распутно позволяя делать с её телом всё, что тому вздумается. За непристойностями следила камера, выглядывающая из-под тёмного щита. Чей-то гортанный голос выкрикнул из укрытия:

– Стоп. Снято! Ну, что, Маркуша, двух дублей тебе хватит?

Мужчина подскочил с травы и довольно хмыкнул:

– Вполне. Объявляю перерыв!

Девушка устало поднялась с травы, одёргивая задравшееся платье, и обернулась. Ошарашенный Алёша впился взглядом в Машино лицо. Она покраснела, хотела что-то сказать и не смогла. Убежала.

Короткий вдох: «Этого не может быть!», и в глазах потемнело. Из холода Алёшу бросило в жар, затем обратно в холод. В висках застучало, кулаки сжались так, что короткие, обкусанные ногти впились в ладони, а на коже выступили крупные синеватые вены. Ему захотелось дико, по-звериному завывать, но Алёша молчал, словно чья-то когтистая, без-

жалостная лапа сдавила нутро. В голове завертелась безумная какофония мыслей и звуков.

«Дурацкие сны! Мечты кретина! Зачем она притворялась?! Чтобы влезть в душу и плюнуть в неё? Ты ждал большой и чистой любви? Идиота кусок. А отец-то прав: бабы подлые, грязные. Все... все такие. – Изнутри по стенкам черепа злость была тяжёлым колоколом. Как эхо разлеталась в голове едкая насмешка над самим собой: Ха! Маша как мама? Вот уж точно! И та шлюха, и эта! Вот так просто. А ты доверился... Да каким же надо быть недоумком?! Ведь всё в ней – ложь!»

Ложью в тот момент Алёше показалось и пение, а музыка – лишь поводом посадить его на крючок – как рыбу, чтоб дёргался над рекой, драл губу и не мог снова нырнуть в свою воду.

До Алёши донёсся диалог обладателя гортанного голоса и настоятеля. Казалось, он летит откуда-то из колодца, из глубокого мрачного колодца.

– Я – настоятель скита Святого Духа. С кем я могу поговорить? Кто тут главный?

– А в чём дело? Я – режиссёр.

– Я требую, чтобы вы покинули это место. В непосредственной близости к мужскому скиту не подобает снимать такие вещи!

– Не знаю, как вас там, – нагло ответил гортанный, – я не вижу рядом никакого скита. Вы тут вдвоём, что ли, поклоны

бьёте?

Беспардонность гортанного раздражала Алёшу, подпитывала злость, кулаки чесались. Но фигура игумена рядом, как мощная дамба, не позволяла ему выплеснуть наружу бушующий ураганами в душе гнев.

Отец Георгий только указал на огороды:

– Это скитские земли, и прямо за поворотом находятся наши здания. – В голосе настоятеля слышался металл. – Я всё-таки полагаю, что вы культурный человек, и взываю к вашему чувству такта. Ситуация щекотливая. Вы должны найти другое место для съёмок.

Тут встрял длинный нескладный человек в тёмно-синей шведке и брюках:

– Да нет, батюшка. Я этот водопад всё лето искал...

– Во-первых, я вам ничего не должен, – перебил гортанный, – во-вторых, ничего мы искать не будем. Придётся потерпеть. Как там: Бог терпел и вам велел.

– Недолго, батюшка, – умиротворяющее вставил длинный. – Сегодня до вечера и завтра. И уедем.

– Это невозможно, – ответил игумен. – Лес большой, живописных мест много, не будем пререкаться. Уходите.

– Вы меня не понимаете, уважаемый, – спокойно ответил ему гортанный. – Мы этот участок арендовали, деньги перечислили местной администрации. Договор имеется. Так что я в курсе: прав на эту землю у вас нет. И никакой суд вы не выиграете.

– Есть Высший, Божий суд.

– Мне с этим проще, батюшка, я – атеист, – хмыкнул режиссёр. – Так что всего хорошего!

Если бы отец Георгий не развернулся и не окликнул Алёшу, тот бы бросился с кулаками на мерзкую рожу – сил сдерживаться больше не было. Но, будто почувствовав, игумен дёрнул его за рукав и повторил:

– Алексей! Мы уходим!

Не говоря ни слова, настоятель и послушник прошли метров сто, поднимая ботинками дорожную пыль, а потом провало самого игумена. Позабыв о христианской терпимости, он принялся сокрушаться, размахивая руками:

– Ох, Алёша, Алёша! Ничего святого у них нет! Видел, ироды какие? Поперёк всего деньги стоят. Курдюков, председатель, тоже молодец! Я давно прошу его этот участок ски-ту продать. И архиерей обещал средства выделить. Но председатель решил по-другому деньги зарабатывать: арендой... Каково, а? Разврат развели, вертеп. Ни стыда, ни совести!

Алёша даже не кивал, всё глубже погружаясь в свои мысли. Отец Георгий продолжал роптать:

– Ты подумай, Алёша! Ладно, эти мужики прожжённые, но девушка там, а? Девочка же совсем. А одета как? Голая считай разлеглась перед камерами, бельё нижнее напоказ. И чем занимается! Срам! Будто матери у неё нет. Я не знаю. Или чему её мать учила, что она вот так абы с кем блудить. И опять же ради чего? Ради денег. Верно говорил, истинно

верно Иоанн Златоуст, что от «мирских песен бывает много вреда, развращения и других зол... Где поются срамные песни, туда стекаются демоны...» И души всех людей этих явно демонам подчиняются. Боже мой! И сегодня приедет митрополит. В первый раз! Да он разгонит наш скит с такими-то соседями. Как пить дать, разгонит... А этих не остановить. Хоть бы Господь покарал их, что ли. Вот кто геенны огненной достоин... Огнём очистились бы... прости, что скажу...

Алёша встал как вкопанный.

– Ты чего, Алексей? – спросил отец Георгий.

– Вёдра забыл. Вернусь, – непослушным языком солгал Алёша.

– Иди, иди, – вздохнул настоятель и, сгорбившись, поплёлся к скиту.

Алёша повернул обратно, а в ушах звучали обрывки фраз наставника: «Голая разлеглась перед камерами... её мать учила... блудить ради денег», – и регулярные, чтоб не забылись, слова отца: «Мать – шлюха... шлюха... шлюха...» В голове всё гудело и плавилось.

Глава 15

«...и пал Вавилон»⁶

В сценарии слово «поцелуй» казалось забавным, а на деле Машу выворачивало от настойчивых приставаний Марка. В душе было невозможно скверно. Волшебство вчерашней ночи оказалось втоптаным ею самой в омерзительную грязь. Вместо тонкого, нежного юноши её губы теперь лобызал развратный ловелас. Впрочем, она сама позволила – хотела же взрезать пощёчину, но сдержалась. Почему? Она не ответила бы. За отвратительной сценой начался настоящий кошмар – когда Маша встала с мятой травы, в паре метров увидела белое, как полотно, лицо Алёши. Застыв, он смотрел на неё с таким ужасом, как если бы она превратилась в рогатого дьявола с копытами и хвостом.

Маша не выдержала, убежала к кемперу. Что она могла сказать? Как оправдаться? Маша спряталась за фургоном, проклиная день, когда прельстившись деньгами и «началом карьеры кинозвезды», согласилась сюда приехать.

До её ушей донёсся разговор батюшки и Юнуса. Режиссёр вёл себя возмутительно, Лёня ещё зачем-то вклинился... Несолоно хлебавши, священник и Алёша покинули съёмоч-

⁶ В 18-й главе Апокалипсиса Иоанн Богослов описывает падение блудницы (Откр.18:2).

ную площадку, а Маша отошла к водопаду. Плеснула водой в горящее от стыда лицо, да только стук в висках и мутный жар было не унять.

«Через пять минут продолжим!» – крикнул режиссёр, отрывая её от тяжких мыслей. «Так больше продолжаться не может!» – решила Маша. Она приблизилась к развалившимся в матерчатых креслах Юнусу и Марку.

– Эй, – окликнула их она. – Вы слышали, что сказал священник. Может, вам всё равно, а мне нет. Я не буду сниматься здесь.

Режиссёр с удивлением вскинул брови, но тут же ответил жёстко:

– Мария, не зарывайся! Ты сбрендила или перегрелась? Где скажу, там и будешь работать.

– Здесь не-бу-ду, – упрямо повторила Маша. – Вам пейзажей мало? Ищите другое место.

– Не тебе решать, где и что мне снимать.

– Где угодно, но только не возле скита.

– Ты думаешь, что одну смазливую мордашку нельзя заменить другой? – От возмущения режиссёр даже привстал.

– Значит, меняйте.

– Тогда, дорогая, заплатишь неустойку.

Маша стояла на своём:

– Я всё сказала.

Краем глаза она увидела Юркин силуэт возле Лёниного, но ей было не до них. Маша развернулась и быстро пошла в

сторону леса. Марк откинулся в соседнем кресле и процедил сквозь зубы режиссёру:

– Ну? Ты хочешь, чтобы мы всё снимали заново?

– И что?! Ты мне предлагаешь побегать за этой шалавой? – вскипел Юнус. – Да эта девка готова ноги раздвигать перед кем угодно и где угодно, как все они...

– Как видишь, эта не готова.

– Цену себе набивает.

– Не думаю. Пока поп сюда не припёрся, всё шло как по маслу. Может, она верующая?

Режиссёр гомерически расхохотался:

– Верующая?! Тогда я – папа римский.

– Короче, не важно, – тоном, не терпящим возражений, заявил певец. – Я хочу её. Возвращай.

* * *

Маша долго шла по тропинке, свернула в чащу, пока наконец не остановилась, никем не видимая. Провалиться бы под землю, исчезнуть, забыться. У водопада, где снимался клип, загромыхла музыка. Маша приникла лбом к тёплой коре дерева. Век бы не слышать этот противный голос и дешёвую мелодию!

Но побыть одной Маше не удалось – из-за высоких кустов фундука выступил Алексей. По-бычьей налитой взгляд не предвещал ничего хорошего. Не зная, как вести себя, она

неловко сказала:

– Здравствуй.

Послушник промолчал. Одёрнув коротенький сарафан, будто стремясь пониже натянуть красный подол, Маша снова заговорила:

– Вот. Мой отдых закончился, теперь клип снимаем...

– Я видел, что вы творите, – грубо перебил он, – разврат. Вертеп устроили!

– Да какой вертеп... просто съёмки, – промямлила она, не решаясь посмотреть ему в глаза.

– А ты просто шлюха? – зло спросил он.

«Как?... Я же... Я не...» – У Маши в голове помутилось от возмущения. Да, ей было стыдно, стыдно как никогда в жизни. Но казалось: стоит признаться, насколько мерзко самой от всего происходящего, и она добровольно станет в один ряд с пропитыми проститутками, предлагающими себя на трассах, с развратными девицами с порносайтов... Хотя Алексей уже приравнял её к ним. И, отчаянно защищаясь, Маша выпалила с негодованием:

– А ты вообще кто, чтобы это говорить?! Напялил на себя рясу, а сам за мной по пятам... Тоже под юбку хочешь забраться?!

– Дура ты.

– Не тебе меня учить! Пошёл вон!

Он посмотрел на неё исподлобья, но не пошевелился. Маша развернулась и шагнула к съёмочной площадке. Алёша

схватил её за руку, словно клещами стиснув запястье:

– И чем ты там займёшься? Сексом? Перед камерами? С конём этим напомаженным?

Маша покраснела, но назло процедила:

– Что по контракту надо, то и буду. Не твоё дело!

Алексей одним движением вернул её к себе:

– Моё. Одумайся. Или я за тебя подумаю.

– Отпусти! – Она замахнулась на него свободной рукой.

Алексей поймал и её. Маша попыталась вырваться, отпрянула и почувствовала за плечами шершавый ствол. Страх, вина, стыд, возмущение – всё перемешалось в голове, и, потеряв над собой контроль, Маша заорала истерично:

– А ты мне не указ! Ты вообще никто! Я буду делать то, что захочу – а хоть бы и трахаться перед камерами. Может, мне это нравится?! Уж точно лучше, чем с маньяком в рясе! Любителем подглядывать! Ты против? А мне пофиг! Вон со скалы разбегись и прыгай! Говорил же Никита: в ските вашем все либо психи, либо лицемеры! Сами неизвестно чем в своих кельях занимаетесь, голу...

Пощёчина, да такая, что аж потемнело в глазах, перебила Машины слова. Она поперхнулась воздухом. От жгучей боли в скуле Маша пришла в себя и поняла, что перешла все границы. Но было поздно. Заскрежетав зубами, Алексей навалился на неё всем телом и в считанные секунды неясно откуда взявшейся бечёвкой связал кисти за тонким стволом. На лбу Маши проступили ледяные капли пота: какая же она

идиотка! А вдруг он правда маньяк? Помоги, Господи...

– Прости, прости, я не хотела... – пробормотала она. – Развяжи меня... Пожалуйста...

Он не отвечал. Он был страшен. Жёсткая кора сильнее впивалась в кожу.

– Отпусти-и-и, – зарыдала Маша. – Мне больно... Отпусти!

– Огнём очистишься. Огнём... Огнём... – мычал Алексей со стеклянными глазами.

– Огнём. – Он подобрал с земли сухой хворост. – Огнём. – Бросил ветки к её ногам. В его пальцах мелькнула красная зажигалка.

– Алёша-а-а! Не надо!! – в страхе завопила Маша, вдруг понимая, что он собирается сделать. – Алёша! Пожалуйста! Не зажигай!

– Огнём. – Он шагнул к мёртвому валежнику, споткнулся о торчащий из земли корень и со всего маху полетел кувырком вниз в овраг. Безрезультатно пытаясь высвободиться, Маша громко выла:

– Прости-и-и!

Растянувшись на камнях, Алексей замер на секунду. Потом медленно сел, встряхнул головой. Он поднёс к глазам зажатую в кулаке зажигалку и, пожав плечами, отбросил в сторону. Та упала на пожелтевшие листья черемши, спугнув ящериц. Алексей провёл рукой по лицу, начал подниматься, повернулся и окаменел при виде Маши – словно это не он

только что связал её. По его виску стекала тонкая струйка крови. Маша проговорила навзрыд:

– Я не буду больше... Я в церковь пойду. Я покаюсь! Прости меня! Развяжи, пожалуйста!

– Что с-с-л-лучилось? – выдавил из себя Алёша и покрылся пунцовыми пятнами.

– Прости меня. Отпусти... – выла Маша.

– Я?..

Растерянный и оторопевший, Алёша приблизился к ней неверным шагом. Заглянул за дерево. Охнул чуть слышно. Маша почувствовала, как его холодные непослушные пальцы пытаются развязать самим же туго затянутые узлы. Наконец верёвка упала оземь. Судорожно всхлипывая, Маша отошла от дерева. Она молчала, в страхе спровоцировать послушника снова, но Алексей стоял, вперившись в багряные царапины и следы от верёвок на Машиной коже, и, казалось, не понимал, как и кто сделал это с ней. И вдруг он отшатнулся и, закрыв лицо руками, хрипло произнёс:

– Уходи. Уходи же! Скорее.

Маша сорвалась с места и бросилась по тропинке в лес.

Глава 16

Отщепенец

Алёша опустился без сил на высохшую траву. Что он на-
творил? Как он мог? Как такое возможно?! Надо в поли-
цию... или в скит. Нет, в полицию. Сдаваться. Он опёрся о
дерево и с трудом встал, как тяжело больной. Изверг.

Алёша побрёл в горячке, пробиваясь сквозь кустарник, не
замечая царапающих веток, давя грубыми подошвами цветы
и муравейники. В Алёшиной голове гудело, глаза то видели
чётко, то вовсе отказывались смотреть: всё вокруг станови-
лось мутным, расплывалось. Путь прервал высокий обрыв.
Алёша замер, не понимая, куда идти дальше.

Перед глазами стояли ссадины, алые царапины на Маши-
ных руках – их сделал он, не кто-то, не его отец, а он сам.
Это он – зверь. Он сумасшедший. Садист.

Алёша вспомнил зарёванное, по-детски искажённое пла-
чем лицо Маши, ужас в глазах перед ним, перед его разнуз-
данной властью. Внутри Алёши всё заклокотало, закипело.
Он вдруг понял, что если б не пришёл в себя, огонь коснулся
бы её нежной, тонкой кожи, прожёл бы безжалостно, жадно,
обнажая до мяса, заставляя кричать, корчиться от боли, уми-
рать в жестоких муках. Алёша представил всё это так живо,
что начал задыхаться. Он почти это сделал! Ему нет проще-
ния! Кем бы она ни была...

Алёша закачался, как пьяный, перед глазами всё поплыло ещё сильнее. Вдруг какая-то тёмная фигура с посохом, то ли реальная, то ли плод воспалённого воображения, появилась рядом.

– ...я – убийца, – еле выговорил Алексей. Ужас от содеянного требовал покаяния, и Алёша стал на колени перед обрывом, шепча, будто на исповеди: – Я грешен. Она обманула... Маша... Она же убила меня... во мне..., а я её.

Сквозь туман в сознание Алексея проник низкий голос, говоривший с отвращением:

– Ты просто маньяк, отброс человеческий.

– Я не могу больше, не хочу... – бормотал Алёша, доверяясь тёмной фигуре – голос её был знакомым, значит, его надо слушать. А кто это? Он не понимал.

Голос заметил недобро:

– Да, отморозок, девушек обижать нехорошо. У них есть друзья... Поднимись.

Алёша встал с колен, балансируя на краю пропасти, над обломками скал, над лесом и рекой, распростёртыми, размазанными кем-то Высшим меж серо-зелёных холмов. Из-под ступней посыпалась каменная крошка, цокая по скалистым стенам.

Кто-то с мстительной усмешкой сказал:

– Давай, гад. Шагай вперёд. И всё. Сам мучиться не будешь, не изнасилуешь и не убьёшь больше никого.

Фигура отошла в сторону, будто предлагая Алёше место

для разбега перед прыжком, а затем добавила, словно оправдываясь:

– Понимаешь, зло надо выдирать... С корнем. Даже если оно – ты сам. Прыгай.

– Не-ет. – Алёша, как пьяный, попытался удержаться, но сзади в его спину уткнулся посох. Лёгкий тычок, и послушник с криком сорвался с щербатого края пропасти.

* * *

Воздушный поток перевернул его, словно пластиковый манекен, головой вниз. С нарастающим ускорением Алёша пронёсся мимо серо-жёлтых каменных стен.

Треск. И в одно мгновение ткань подрясника обтянула торс Алёши, и высокий воротник врезался жёстким краем в кадык, будто кто-то схватил за шиворот. Ветер перестал хлестать щёки. От встряски зрение снова стало чётким. Желтоватые кроны дубов, зелёное пятно пихтарника и белёсая с блёстками лента речки всколыхнулись, будто стекла в калейдоскопе, застыли на секунду, а потом, как на качелях, заколебались вправо – влево. Подвешенного вверх ногами Алёшу раскачивало над землёй, которая стала ближе на несколько десятков метров. Он изогнулся с трудом, но увидеть, что задержало падение, не смог. Он почти коснулся руками выступающего уступа скалы, но ухватиться не удалось. Послышался треск сухого дерева, Алёшу качнуло сильнее.

«О! Господи! Ты? – сглотнул послушник, чувствуя, как с давящей силой приливает к голове кровь. – Я всех предал... Я Тебя предал... И Ты повесил меня, как Иуду на дереве... Прости меня, Господи! Помилуй».

Дерево затрещало ещё сильнее и, наконец, хрустнуло. Длинный сук будто рычагом отбросил Алёшу к громадным пихтам. Он зажмурился. Порыв ветра вновь ударил в лицо. Тело, потяжелевшее от скорости, обрушилось на пружинящие колючие ветви. Задерживаясь на миллисекунды, а затем нещадно ломая их, оно скатывалось вниз.

Когда разодранный до крови жадными лапами пихт Алёша упал в кучу нанесённых откуда-то жухлых листьев и источавшей сырой смрад мёртвой хвои, он был ещё в сознании. От мощного удара сотряслись все органы; ноги, спину, руки пронзила жуткая боль. Она вырвалась наружу леденящим воплем, а затем растеклась по изломанным костям и разорванным тканям. Лёжа в неестественной позе, Алёша хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная стихией на сушу. Недвижимый и израненный, он смотрел сквозь ресницы на бесконечные стволы деревьев, устремляющиеся к навсегда потерянным небесам. Постепенно всё превратилось в тёмно-зелёное, мутное пятно и погасло.

Глава 17

Промедление смерти подобно

Вдоволь поплутав по лесу, Маша выбежала наконец на развилку горной дороги и остановилась. Бешено стучал пульс в ушах. Маша тяжело дышала и растерянно озиралась по сторонам. Впереди совсем близко виднелась побеленная хата в кустах чахлой сирени. На холмистом участке всё поросло сорняками, чуть поодаль за кособоким сараем начиналась улица. Под дружный лай заходящихся за заборами шапок Маша помчалась по станице, выискивая глазами знакомый дом с голубой калиткой.

Растрёпанная, исцарапанная, в измятом, грязном сарафане она ворвалась в благостное спокойствие двора и, не глядя на друзей, бросилась в домик.

– Маша! Марусь! – окликнули её ребята, но она не ото-звалась.

Когда они ввалились в комнату, Маша судорожно запикивала вещи в сумку.

– Маша, – осторожно позвала Катя.

Увидев недоумевающие взгляды друзей, Маша застыла на секунду, и внутри будто щёлкнул триггер, включая замороженные чувства. Она опустилась на пол и разрыдалась. Захлёбываясь в безутешном плаче, она раскачивалась из стороны в сторону, как безумная. Антон принялся трясти её

за плечи, пытаясь прекратить истерику. Но Маша не унималась. Ребятам было не понять, что её привычный мир, как витраж из цветных стёклышек, только что разлетелся на куски. Она не знала, как жить дальше. Маша попыталась вдохнуть, но поперхнулась, будто сомневалась, сможет ли, сумеет снова дышать – воздух застрял в горле. В лицо брызнула холодная вода. Маша закашлялась и выдохнула наконец. Она затихла, сглатывая слёзы, – рядом стояла Вика с полупустой бутылкой в руках. Маша чуть слышно пробормотала:

– Он хотел убить меня...

– Убить?! Кто?! – закричали хором друзья.

– Монах... Алёша. – Она вытянула вперёд руки, на которых остались красные полосы от верёвки и ссадины: – Вот.

– Паскуда какая, – выругался Антон. – Где он? Где это было?

– Там. В лесу.

– Он сделал с тобой что-то? – напряжённо спросила Катя.

– Он... он... схватил меня... привязал к дереву. Нет, сначала мы поругались... Сказал, что я шлюха... потом ветки начал собирать, чтобы сжечь... Я поняла... он хочет меня... на костёр... – всхлипывая, рассказывала ошарашенным друзьям Маша. – А потом вдруг пришёл в себя... отвязал... прогнал...

– Он тебя не?... – допытывалась Вика.

Маша только отрицательно покачала головой, подметая рыжими космами пол. Никто не заметил, как появился Юра.

Он кинулся к подруге:

– Маша! Девочка моя! Ну и видон! Что случилось?

– На неё монах напал, – сообщила Вика. – Прикинь?

– Ёпта! Вот знал я, что добром дело не кончится! – в сердцах бросил Юра. – Маньяк чёртов! Убью гада!

– А съёмки как же? – поинтересовалась Вика.

– Не знаю, не хочу, – пробормотала Маша и снова жалобно заплакала. – Мне страшно... Я хочу домой... Давайте поедem домой.

Катя погладила её по голове и прижала к себе:

– Поедем, поедem, моя хорошая, только успокойся. Мы с тобой. Никто тебя больше не обидит. – И, не сдержавшись, выругалась: – Вот же отморозок!

– Урод конченный, – зло добавил Юра. – Так оставлять нельзя. Я за полицией. Думаю, и в этой дыре она есть. Пусть ловят подонка.

– Может, не надо полицию, Юр? – подняла глаза Маша.

– Не бойся, он тебя больше не тронет! Ты с нами, – гладила её по плечу Катя.

– Надо, пусть власти с ним разбираются! – выкрикнул Юра.

– Я такого ему наговорила... Я ужасная... – сказала Маша, но он раздражённо воскликнул:

– Ох и идиотка же ты, Мария! Хотя... это шок, наверное.

Кать, у хозяйки чего-нибудь успокоительного попроси.

– Хорошо.

– А я к режиссёру пойду, расскажу, что произошло, – вы-
звалась Вика.

– Да, правильно, – кивнул Юра, – они, наверное, её уже по всему лесу ищут. Антон, и ты с Викторией иди. Кто знает, как этого маньяка переключило. Может, на всех кидаться будет...

Антон набросил на плечи рюкзак, а Вика посмотрелась в зеркальце и поправила волосы. Маша закрыла глаза и опять начала плакать, причитая:

– Зачем, зачем я приехала сюда?!

– Боже мой, успокойся, – ответила Катя. – Клип снимать приехала. Работа такая, у всех своя работа. Всё хорошо, всё хорошо. Тш-ш-ш. Никто тебя не обидит больше. Только не плачь!

– Отойдёт, не бойся, – уверил Юра, – не оставляй её. Антон! Вика! Мы теряем время!

Девушки остались одни, и Катя, прислонив рыжую голову к своей груди, тихонько покачивала Машу, как ребёнка. Наконец всхлипывания прекратились.

– Я же в него влюбилась... – прошептала Маша потерянно, – я же не хотела... всё этот Марк...

– Бедняжка моя, – утешала её Катя. – Пройдёт. Всё пройдёт. Вот уедем домой, и забудешь. Через месяц будет всё, как сон.

– Не забуду. Я его поцеловала вчера. Алёшу. Это было так... хорошо... А потом он увидел, что я с Марком... А

он, сволоочь, языком свои мерзким... руки стал распускать...
Надо было ему по роже, а я... а я дур-ааа, – завывла Маша.

Катя озадаченно посмотрела на подругу:

– Погоди, Марк тут при чём? Монах приревновал, что ли?

– Не знаю. Я такого ему наговорила... Такого... и он...

– Да что бы ты ни сказала! – взвилась Катя. – Нельзя ж так – к дереву и на костёр. Тоже мне, христианин. Маньяк он.

Маша не слушала подругу, лишь приговаривала:

– Боже, так страшно, так страшно, когда человек сходит с ума. Знаешь, он посмотрел на меня, как на последнюю тварь. Стыдно! И он... вот... – бессвязно бормотала Маша. – Катя, я очень плохая, да?!

– Что за глупости! Перестань! Подумаешь, съёмки и съёмки. Все актрисы на экране целуются! И не только. Так что же? Всех после этого на костёр? Да этот Алексей ненормальный просто. Вообще неизвестно, чего он от людей в скиту прятался. Может, и раньше чего творил. Такие они вечно – тихие-тихие, а потом... Хватит о нём думать, слышишь? Прекрати! Давай я лучше тебе чайку принесу.

Маша не ответила, уставившись в пустоту. Она не могла об Алёше не думать: пойти в скит, сказать настоятелю? И что будет? Его накажут? Как: запрут в келье, в подвале каком-нибудь? А если Юра найдёт полицейских, Алёшу посадят в тюрьму? Или в психушку? Господи, как это жутко! У Маши всё оборвалось: она не хочет для него ни того, ни другого. Не надо! Алёша ведь пришёл в себя. Но по спине про-

бежал холодок: вдруг это ненадолго, вдруг послушник снова станет её преследовать? Маша вздрогнула. Её охватила паника.

Нет, с Алексеем пусть сами разбираются. Отсюда надо бежать. Подальше. Срочно. Не оставаться одной ни на секунду, только с людьми, быть с людьми – там, где их много. На съёмках народ есть. Или сразу домой?

Маша потянулась к сумке. Пытаясь унять дрожь в теле, опять принялась складывать вещи. Под руки попался белый хитон, и Маша вспомнила, как танцевала, мечтая об Алёше, как он божественно пел, насколько одухотворённым было его лицо и нежными прикосновения. Вчера. Разве это было вчера? Тут же перед глазами предстала уродливая маска безумия, стеклянные глаза, его грубость и жёсткость. Это были два разных человека, как в страшном сне – какой из них был настоящим?

Мучительное чувство закрутило внутренности, сомнения выплеснулись наружу. Маша схватилась за голову: он ненормален или это она довела его до такого? А если виновата она?! Тогда впору самой сдаваться в полицию... или куда там ещё...

* * *

Вернулась Катя. Суется, как наседка, она накапала капель, начала отпаивать подругу и тараторить всякую ерунду

о Семёновне, о том, как они гуляли сегодня. Маша была ей благодарна, но легче не становилось. А вообще станет ли? Когда? Глотнув крепкого сладкого чаю из синей чашки, Маша устало сказала:

– Пойду в скит, а потом вернусь к моим киношникам. А то и в самом деле заставят платить неустойку. Мне больше терять нечего, кроме проклятых денег...

– Ну, слава богу! Наконец говоришь разумные вещи, – заметила Катя. – Вот только в скит не надо. Нечего там делать...

– Ты не понимаешь, – покачала головой Маша, – мне сейчас хоть в скит, хоть в петлю – без разницы...

– Пойдём вместе, – сказала Катя.

Маша стянула сарафан и посмотрела на расцарапанные ветками и сухостоем ноги, а потом на свой наряд с вырванным на боку клоком:

– Им теперь только полы мыть...

– Не беспокойся, – заверила её Катя, – у костюмера наверняка что-то припасено.

Когда девушки вышли на улицу, голова Маши ещё гудела, но то ли от валерианы и пустырника, то ли из-за изнеможения после слёз внутри наступило мутное спокойствие с горьким послевкусием.

Приближаясь к церкви, Катя и Маша заметили полукругом собравшийся народ: бабулек в платочках, притихшую ребятню, перешёптывающуюся группу туристов, на-

хмуренных станичников и несколько солидных персон в рясах у роскошного внедорожника. В центре возвышалась серая кабина мини-грузовика. Возле неё переминался озадаченный Юра. Завидев девушек, он махнул им рукой, но как-то неопределённо, будто сам не знал, позвать их, или напротив, показать, чтоб проходили мимо.

Пока Катя и Маша пробирались к Юре, до их слуха донёсся женский шёпот:

– Представляешь? Тута митрополит вроде храм смотреть приехал, из машины вылез, а Гришка как кинется к отцу Георгию: «Батюшка, у меня монах ваш мёртвый!»

– Ай-яй-яй. А кто ж это?

– Та не знаю. Ходил парнишка...

В просвете между чужими фигурами Маша рассмотрела низкую, заменяющую кузов платформу, окружённую небольшими бортами – там, на брезенте с тёмными потёками распласталось мужское тело, искореженное, будто ненастоящее, в чёрных, рваных лохмотьях, обнажавших местами белую кожу и бурые, запёкшиеся кровью раны. Маша рванулась вперёд и окаменела при виде светлых слипшихся волос и исполосованного царапинами лица Алексея.

«Не может быть!» – Она уцепилась рукой за пыльный борт платформы, пытаясь рассмотреть, дышит ли Алёша. Тонкие ноздри, казалось, не шевелились. К горлу подкатил комок, и сердце Маши мучительно заныло. В голове всплыли её собственные слова: «Ты против? Разбегайся и прыгай со ска-

лы...» Так что же он?.. Неужели?.. Зачем?..

Над Алексеем склонился фельдшер.

– Жив пока, но отходит, – мрачно сказал он.

Лицо отца Георгия стало таким же меловым, как у лежащего без сознания парня. Он водил над ним ладонями, будто бы хотел прикоснуться, но боялся. Дальше стояли, по-видимому, трое представителей более высоких церковных чинов – важные старцы с окладистыми бородами и крестами на увесистых цепях, да ещё какой-то клирик пониже рангом. Они смотрели с недоумённым сочувствием на умирающего послушника, а рядом сутился мужичок, тараторя:

– ...смотрю – в чёрном кто-то на самом краю. Да как сиганёт со всей дури! Повис ещё потом на скале, на коряге, потом хрясь, и снова полетел. Прямо в пихтарник. Я пока туда пробрался, пока нашёл, потом вон кореша, Санька, вызванивал – одному ж не дотащить до машины.

– Я чё подумал, что он мёртвый, – оправдывался Григорий перед игуменом, – я когда пришёл, он ещё громко так дышал, с хрипом, а потом стих сразу. Ну, думаю, всё – помер. Там жеж пропасть метров сто будет.

Маша сжала в пальцах пакет с рваным платьем, чувствуя, что под ней сейчас разверзнется земля. «Он не должен умереть... не должен. Это из-за меня всё», – застонала её душа. Нездешние священники закачали головами, запричитали: «Господи! Самоубийство, грех-то какой...»

Маша прислушалась снова к фельдшеру.

– Ну, что, батюшка? – спросил он. – Врать не буду: парню мало осталось. Пульс уже почти не прослушивается... В больницу нашу повезём? Или к вам – отпевать?

Невзирая на высокое начальство, игумен гаркнул по-военному:

– Отставить! Везём в город. Хирург нужен и реанимация.

– Да не довезём же, – возразил фельдшер, – позвоночник сломан. Его и переносить-то особо нельзя: а через перевал, по камням, два часа? Что думаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.